

МАРШРУТКА

Февральский день солнечный и теплый, впрочем, в Кисловодске климат южный, и февраль — месяц почти весенний. Я выхожу из дома. Мимо с деловитым видом пробегает крупная рыжая дворняга. Она косится на меня карим глазом и трусит дальше.

Я стою на улице, щуря глаза от яркого солнца. Старинные дома центра города, с лепниной на фасадах, крышами, утыканными трубами, в этом освещении показывают все свои потертости и облупленности. Ничего не скроешь. Ничего не скрыть. Я иду по извилистой улочке, спускающейся к горной речке. Она шумит, бурлит, быстрое течение несет мимо валунов городской мусор — то пакет, то тряпку. Я смотрю с моста на грязную речушку, и думаю — интересно, а весь мусор нашего города доплывает до Каспийского моря? Или нет? Куда он девается по пути? От моста крутой подъем в гору. На обочине дороги на солнышке греются кошки. Старое дерево акации возле дома еще безжизненно, черно, и на фоне голубого неба четко виден рисунок его изломанных веток.

Остановка.

Толпится народ. Подходит маршрутка, идущая на горбольницу, за ней следом — та, что идет на мясокомбинат, подходит номер семнадцатый, имеющий самый душеспасительный маршрут: «Свято-Никольский собор — Крестовоздвиженская церковь» — в промежут-

ке между этими пунктами лежит весь город, следом подходит маршрутка, номера которой я не успеваю заметить, и сажусь в полупустую, желтую машину. Мы трогаемся с места. Мимо проплывает санаторий, когда-то называвшийся «имени XX партсъезда», а теперь переименованный в «Жемчужину Кавказа», и заодно отданный в ведение ФСБ. Хорошо бы там работать. В нашем городе рабочих мест мало, и в санатории такого ведомства попасть очень сложно. А там, говорят, и зарплаты выше, и премии.

Сразу за «Жемчужиной Кавказа» раскинулась галереями из коринфских колонн «Колоннада», выстроенная когда-то к столетию победы в Отечественной Войне 1812 года, сегодня пестреющая россыпью картин местных художников, которые расставляют торговцы с обветренными от постоянной работы воздухе, лицами.

За Колоннадой высится Крестовая гора, у подножия которой в гроте, за решеткой, сидит каменный Демон, печально глядящий неестественно огромными, миндалевидными, восточными глазами. Он очень напоминает картину Врубеля. Это — единственный в мире памятник Демону. Кисловодчане очень гордятся этим фактом.

Мы поворачиваем от Колоннады.

На остановке, на противоположной стороне улицы сидит бомж. Он смутно помнит, что когда-то его как-то звали, и где-то он жил, но как и где — вспомнить не может. Он сидит, подставляя яркому солнцу желтую бороду, и что-то внутри него в этот момент закругляется и обретает совершенную форму. Что-то необъяснимое, касающееся самых сокровенных уголков души, где его мама, почему-то с фиолетовым фонарем вокруг глаза, надевает на него клетчатое пальтишко с цигейковым

воротником, приговаривая:

— Ну вот, и все, лучше на вокзале будем жить, хлеб есть, воду пить, но зато никто нам не указ. Свобода — лучше всего, не для того воевали, чтобы всякие выродки руки распускали...

Откуда взялся фингал у мамы, что было до этого разговора и что после — он не помнит, да и стоит ли.

Остановка с сидящим бомжом скрывается из виду, маршрутка объезжает Казачью горку — на ней во время гражданской войны стояла виселица, и там белогвардейцы вешали местных революционных деятелей. Сейчас уже только старожилы это помнят, но ни одно предприятие на этой горке в центре города не идет — ни кафе, которое там было, и быстро пришло в упадок, ни сквер, где должны были бы гулять отдыхающие и жители — все хиреет, закрывается, разрушается. Только суд у подножия Казачьей горки процветает.

Здание Мирового суда радует глаз новым белым крошпаном и сияющей вывеской. За окном, забранном решеткой, на первом этаже, ведет заседание не улыбающаяся женщина с печальными глазами. Она воспитывает одна двух дочек, как-то незаметно вошедших в «милый» подростковый возраст. С их отцом она развелась пять лет назад, все юридические формальности были соблюдены. Алиментов он за пять лет не заплатил ни копейки. Даже мировой судья не в силах заставить мужчину в нашей стране выполнять свои родительские обязанности. Слушается дело о неуплате алиментов. Истец — Мкртчан Наталья Александровна (фамилия по мужу), ответчик — Мкртчан Арам Гургенович. Истица блистает золотыми украшениями, как новогодняя елка, среди которых выделяется крупный кулон — желтое и белое золото, изоб-

ражающий ее знак Зодиака — Телец. Кулон ей подарил новый мужчина, живущий с нею уже полгода. Она, конечно рада, что так легко нашла мужика, только вот четырехлетний сынишка боится сожителя как огня. И с чего бы это? Наталья Александровна не очень нуждается в деньгах, она просто хочет что-то доказать бывшему мужу, но что — сформулировать отчетливо не может. Арам Гургенович томится. Природа дала ему такое прекрасное, совершенное тело. Мужчины с гораздо худшими качествами легко находят себе состоятельных женщин. Одному его знакомому рассказывали про армянина, нашедшего себе любовницу — москвичку, бизнес-леди, которая подарила ему машину. «Фольксваген». Он бы тоже так хотел.

Здание суда исчезает из моего поля зрения.

Следующая остановка — возле строящегося супермаркета. Магазин получил название «Утюг» — за сходную с предметом домашнего обихода форму. Его спроектировал местный архитектор, взявший за заказ баснословную сумму денег. Он богат, воспитан, не молод и любит девушку, перенесшую рак груди. Одной молочной железы после операции у нее нет, характер ужасный, но сердцу, видимо, не прикажешь. Она, в свою очередь, любит заезжего артиста из Испании, танцора фламенко. Муж-архитектор повел ее на концерт. В конце представления исполнитель национального танца Испании решил доказать, что искусство танца — вне времени, страны и не нуждается в особом умении, надо просто слушать партнера, что свойственно всем женщинам планеты. Он спустился в зал и стал по одной приглашать девушек на сцену, чтобы станцевать с ними несколько тактов. Действительно — у всех получалось. Она была

одной из тех, кто вышел на сцену и доказал простоту фламенко. Теперь красивый испанец шлет ей романтические СМСки на английском, предлагая пластическую операцию по восстановлению удаленной груди в любой клинике Европы за свой счет. Девушка раздумывает, получая огромное удовольствие от происходящего. Архитектор мучается ревностью, но ничего сделать не может.

На остановке входит женщина-инвалид лет тридцати пяти, с явными последствиями перенесенного в детстве церебрального паралича. Она садится на переднее место, возле двери, долго роется в кармане белой курточки, вынимая мелочь. Когда в ладонь набирается требуемая сумма, она, удовлетворенно хмыкнув, сыпает монеты в другой карман, аккуратно застегивает его на молнию, и на этом успокаивается. Шофер, наблюдающий за этим процессом в зеркальце, ничего не говорит, потому что слишком хорошо помнит свои страхи все девять месяцев, пока его жена была беременна. Он тогда очень уж сильно закладывал за воротник. После свадьбы почему-то сорвался. Жена забеременела, когда он, после долгого запоя пришел поздно ночью домой и в конце концов выполнил впервые после свадьбы свои супружеские обязанности. Может, все дело было в том, что жениться он хотел на Любе, а она выскочила замуж за Сашку, и он, в отместку, женился быстренько на Верке. Все девять месяцев жена плакала ночами, он вставал с кровати, выходил на балкон, курил. Но все обошлось, родился нормальный мальчишка — три пятьсот, рост — пятьдесят три сантиметра, сейчас уже школу закончил, ПТУ, работает плиточником, все нормально. А ведь могло бы быть и хуже, намного хуже. Мог бы и ковылять сейчас, как эта пассажирка. Бог милостив. Так что оплату

с убогой он не требует.

По улице идет цыганка в длинной черной юбке и мужском поношенном, засаленном на локтях, пиджаке. Курит на ходу «Нашу марку». Что было вчера — не помнит напрочь. Что будет завтра — знает наверняка. Будущее — ее законная область. Про будущее ей известно все. Завтра в это же время она будет точно так же идти по этой улице, курить «Нашу марку», и что было вчера — не помнить напрочь. Прошлое — не ее специальность.

Мимо маршрутки проплывает черный джип «Субару». Он мягко катит по дороге, легко обгоняя машины. За рулем сидит блондинка в огромных, в пол-лица черных очках. Она небрежно поворачивает руль послушной машины, кривя ярко покрашенный рот. Мысли ее заняты растущим курсом доллара. Как бы этим воспользоваться? Лучше всего, конечно, позвонить Давиду Самсоновичу. Но он же, гад, отката потребует, и не только деньгами... А еще говорят: «Бальзаковский возраст», то, да се, никому уже не нужна... ага, кому не надо западает еще как, а вот кому надо... Женщина вздыхает. Да, она уж думала, что все — конец молодости, климакс, однако все вон как повернулось. Мысли ее вдруг переносятся в имение под Невинномысском, в просторный дом среди соснового бора. Там на руках у черноволосой женщины лежит спящий ребенок. Золотые кудри вьются вокруг круглого милого личика. Климакс ее несостоявшийся. Можно было, конечно, по-всякому распорядиться этой жизнью. Будь она обычной бабой, сделала бы аборт, да и думать бы забыла через два дня. Нет же, не захотелось грех на душу брать — больше такого случая не представится все разом окупить — все, что за жизнь напутано — этой жизнью, этим ребенком. Да и нянька уговорила.

Была она кришнаиткой, многодетной матерью, воспитательницей для дитя идеальной: доброй, все разрешающей, заботливой, такая вырастит, выпестует, не будет исподтишка щипать или бить. Религия не позволит. И слава Богу, каким бы он ни был! Распятым на кресте сыном плотника или синелицым принцем, играющим на свирели. Какая, к черту, разница! Джип легко обгоняет золотистую «Хонду» казахской сборки. Проспект растягивается широкий, прямой, хочется ехать и ехать, да так и остановить машину только когда колеса утонут в золотистом песке, на который набегают волны.

На остановке входят две школьницы лет десяти, с ранцами за плечами. Глаза горят, они тихонько по очереди хихикают в кулачки над какими-то шутками, которых не слышали окружающие, это смущает и смешит их еще больше, они переглядываются и прыскают от смеха, наконец позволив ему звучать, хохоча уже без утайки, так, что слезы выступают на глазах. Отсмеявшись, они потихоньку переговариваются. Две головы с одинаковыми прическами — собранными в хвост волосами, стянутыми резинкой. У одной голова светлая, русоволосая, у другой — каштановая, темная, и они сближаются, почти касаясь друг друга. Я замечаю, что одна девочка явно красивее другой. Та, у которой волосы каштановые. У нее карие, необыкновенно живые, глаза, красиво изогнутые брови, которые говорят о своенравном характере, нежный, персиковый цвет лица и пухлые губки смеющегося рта. Другая же выглядит на ее фоне блекло — бледное, безбровое как бывает часто у блондинок, личико с веснушками на носу, но и веснушки какие-то бледные, голубые глаза. Я смотрю на них и думаю, что в этом счастливом возрасте они еще не догадываются

о такой разнице, которая тем заметнее от того, что они вместе. Она еще не служит им поводом для соперничества и ссор, но пройдет года два — три, и можно предположить, какие перемены в отношениях их ожидают. А сейчас они обе одинаково очаровательны, непосредственны, любопытны, смотреть на них одно удовольствие. Они вдруг замолкают, исчерпав, видимо, запас веселости, и смотрят в окно.

Маршрутка поворачивает влево и начинает подъем по крутой улочке. На перекрестке стоит молодой мужчина в давно вышедшем из моды костюме и пыльных башмаках. Он смотрит на дорогу с каким-то отрешенным выражением. Лицо у него могло бы быть приятным, если бы не окладистая, в мелких кудряшках, рыже-каштановая борода лопатой. Это — священник старообрядческой церкви. Он когда-то очень возревновал к идее служения Богу, захотел быть священником, а для этого надо жениться — неженатых не рукополагают. А он, пока учился, как-то об этом условии забыл. Да и до таких ли мелочей тут, когда душа горит священным огнем. Ну, его и женили. Регентша одна с дальнего прихода засиделась в девках до неприличия. Община старообрядцев — очень маленький мирок, там все друг друга знают, практически родственники, выбор невест небогат, как и женихов. А тут такая удача — она — особо замуж не стремящаяся, он — про семейную жизнь не задумывающийся, ну как их не свести до пары! Их и свели, и не беда, что невеста старше жениха на пятнадцать лет, это все пустое — слюбятся, стерпятся, да и брак заключают не для всяких глупостей, а для совместного служения Богу, чтобы помогать друг другу в высоком деле. И стали они жить. Детей не родилось. Жена стала вести

светскую жизнь, как и подобает ее статусу — прихожане, клирос, певчие — всех надо приветить, проследить — кто чем дышит, расспросить, чаем напоить, посплетничать. И стали замечать — как кто матушке что не по сердцу скажет, так трех дней не пройдет, как человек этот или под машину попадет, или в больницу с аппендицитом, или сердечным приступом, ну или хотя бы просто споткнется, пока она вслед смотрит и неодобрительно головой качает. А батюшка совсем закис. Прихожане — одни старушки убогие, храм — не храм, а так — избушка, детей нет, жена — ведьма, одно утешение — Богу служит. Для чего, правда, уже не помнит, да и что за глупые вопросы — для чего, для спасения души. Нет, не души, а Души — с большой буквы, словно речь идет о некоей Мировой Душе, Андреевым в «Розе мира» описанной. Но батюшка не знает, кто такой Андреев, матушка ему таких книг ни за что читать не позволит. Так и стоит он на обочине дороги и как-то уже не очень помнит — куда ему надо, зачем?

По дороге шагом идет гнедой конь, помахивая завязанным в узел хвостом. Горбоносый, смуглый горец едет на коне, глядя вдаль. Здесь ездил его отец, дед, прадед, прапрадед. Тогда и города никакого не существовало, а были только горы, покрытые жесткой травой, да кое-где кривое деревце алычи разнообразило пейзаж, были холодные речки, да источник соленой воды, дающей силы и здоровье.

Он смотрит куда-то, где небо загораживает ближайшая гора, и знает, что двоюродный брат отгонит сегодня баранов на новое пастбище, ему беспокоиться не о чем, и знает еще, что его сын, внук и правнук будут ехать на коне может арабских, может орловских кровей,

по тем же улицам, как и их предки, которые скакали на конях здесь, когда еще и города никакого не существовало.

Я замечаю идущего по улице невысокого, коренастого мужчину лет пятидесяти. А я ведь его знаю. Слишком хорошо знаю! На нем поношенная куртка, серая кепка, чистые, лицо неприметное, пройдешь мимо — внимания не обратишь, не запомнишь. Глаза с прищуром, от которого уже, как от вредной привычки, не избавиться. Это — лучший в городе ювелир. Живет он один в двухэтажном доме, наполненном антикварными часами, картинами и бриллиантами, рассованными по потайным местечкам — за плинтусами, в электрических розетках, под подоконниками. Когда-то была у него жена, да он заподозрил, что она изменяет ему с ее же собственным двоюродным братом. Как это проверить он не знал, да и не стал задумываться — выгнал, развелся. Женился второй раз на женщине, значительно моложе себя, да заподозрил, что та после его смерти приберет к рукам дом, который должен достаться только родным дочкам, а тек же, что она как-то очень ждет этого события, в смысле — его смерти. Проверить это было невозможно — выгнал, развелся. Завел себе любовницу, еще моложе, да заподозрил, что она с ним не по любви, а из-за денег, тем более что она — девушка со своей драматической историей в жизни, одна пятерых детей воспитывает. Деньгами он ей не помогал — проверял из-за денег она с ним или по любви, потому что подозрение было, а вдруг она от него подарков дорогих ждет? Проверить это было невозможно — выгнал. Сейчас завел себе другую — по возрасту ровесницу старшей дочери, вроде все предусмотрел — семьи у нее нет, замужем нико-

гда не была, детей не родила, но закралось подозрение: а вдруг она не по любви с ним, а для того, чтобы родить ребенка, что в ее возрасте уже и естественно. А ну как она его обманет, забеременеет, родит, потом подаст на алименты... Как это доказать, он не знает, но желание выгнать уже появляется. А бриллианты, спрятанные по захоронкам, ждут своего часа, ухмыляются волшебным блеском, словно говорят: «Как ты думаешь, долго ты нас удержишь взаперти?». Тяжело иметь такое богатство, страшно.

Компания подростков стоит у забора. Все, как один, в черных куртках, в черных штанах и кроссовках. Стоят, переговариваются, кто-то курит, кто-то пьет пиво. За оградой — колледж, в котором они учатся. Сейчас они прогуливают пару по какому-то там предмету, кто бы помнил — по какому. Да и к чему им это все — родители за учебу заплатили, в колледже недобор, преподаватели никого не выгонят. Так и играют в эту учебу, как в игру. Мальчишки, конечно, считают, что проще было бы им сразу выдавать диплом, как только родители оплатят нужную сумму, потому что результат одинаковый — четыре года они простоят тут возле ограды, или где-то у себя на районе — какая разница.

Девочки на заднем сиденье начинают толкать друг друга:

— Смотри, это — Азнаур, он с моим братом дружит, — шепчет кареглазая, и улыбается смущенно и хитро, словно уже сказала подружке какую-то тайну.

Но та не понимает ее эмоций, фыркает пренебрежительно. Повисает пауза. Девочки молчат, вдруг светловолосая внимательно смотрит на подружку, глаза ее опасно сощуриваются, и она произносит:

— А знаешь, тебе очень пойдет челка.

— Челка? — удивляется подруга.

— Да, хочешь, я тебе сегодня ее отрежу, — и заметив ее замешательство, нажимает, — Не бойся, я смогу. Я двоюродной сестре челку подравнивала, хорошо получилось!

Вот оно! А я-то думала, что у них есть еще пару лет безоблачной дружбы, но нынешние дети созревают рано, и я сейчас наблюдаю импульс женской мести. Девочки выскакивают на остановке, оживленно переговариваясь. Я представляю себе эту челку, которую криво отрежет подружка, потом будет долго подравнивать, потом пришедшая с работы мама поведет дочку в ближайшую парикмахерскую, и там мастер будет качать головой, расчесывая каштановые пряди. Мне становится смешно и грустно. Я вспоминаю свою челку, которую мне в летнем лагере так же отрезала подружка, начиналась она примерно с макушки и в нее ушла добрая половина косы, которой так гордилась мама. Самое смешное — я тогда была убеждена, что подружка хотела действительно мне добра, и горячо ее защищала, в ответ на шумное возмущение мамы.

Маршрутка трогается. И я уже не думаю ни о девочках, ни о челках. Потому что вижу молодую женщину с длинными черными волосами. Одета она экстравагантно — на черной футболке стразами выложен череп, сверху накинута кислотно-розовая кофточка, на руках — яркие пластмассовые браслеты: зеленые, желтые, розовые, голубые. Накрашена она тоже броско и довольно вульгарно. Сейчас она думает только о том, как удержать на лице выражение равнодушно-приветливой отстраненности. И чтобы состояние панической тревоги и усталой

боли не проявилось наружу. От этого лицо ее немного напоминает маску, и эта безжизненность ощущается окружающими и отталкивает. Вернее отталкивает одних — самых подходящих, которые могли бы поддержать, и привлекает других — которые любят использовать нуждающихся в помощи для своих манипуляций. Молодая женщина давно без работы. У нее большой опыт предыдущих должностей: продавщицы шуб с лотка на рынке, где хозяйка постоянно устраивала новым продавщицам недостачу на пару десятков тысяч; горничной в частной гостинице, где в обязанности входило не только уборка десятка номеров, коридоров и холла за смешотворную зарплату, но и, по возможности, удовлетворение всех, включая самые шокирующие, запросов клиентов; а так же администратора в сауне, которая на деле явилась банальным притоном. Тяжело живется женщине, когда у нее нет мужа, на руках выросшая дочь, нет образования, чтобы устроится на приличную должность. Она злится на родителей, которые непустили ее в свое время учиться. Она рано созрела, ее фигура приобрела такие выдающиеся округлости, что стала привлекать нескромные взгляды, когда она шла по улице. Родители ужаснулись — с такими данными у нее есть все шансы скатиться по наклонной плоскости, и приняли решение: «Мы не отпустим тебя учиться. В другом городе, без нашего присмотра ты станешь проституткой». И она вышла замуж. В 18 лет. За первого встречного. Он сейчас в Америке. Дочкой не интересуется. Алиментов ни когда не платил, да и какие алименты можно получить из Америки — это же все равно, что с Луны, при нашем-то законодательстве. Потом был другой — красавец, самовлюбленный, патологически заботящийся о себе —

он покупал себе самые дорогие гели для бритья, лосьоны, шампуни, гели для душа, дезодоранты. Тщательно следил за уровнем содержимого в бутылочке, чтобы никто на его собственность не посягнул — ни она, ни ее дочка. Она мыла свои роскошные черные волосы шампунем «Крапивный» производства завода СМС (что это за завод и что он на самом деле выпускает — может масла для подшипников, или запчасти для тракторов), города Ставрополь. А бальзам для волос считался непозволительной роскошью. Она терпела. В ее понимании это называлось любовью. Ведь любить — это уступать, а если не будешь уступать, любить перестанут. Как папа с мамой. Все кончилось тем, что он забрал все ее сбережения — семьдесят тысяч и исчез. И она поклялась себе никогда больше никого не любить, а продать себя подороже. Сейчас у нее есть любовник — федеральный судья. Он в два раза старше ее. И на голову ниже ростом. У него отвислое брюшко, морщинистые щеки, всегда тщательно, до синевы, выбритые, взгляд тяжелый из-за мешков под глазами, еще у него маленький член, и с трудом, с большим трудом, возникающая эрекция. Всем желающим иметь себе спонсора-покровителя стоит посмотреть на него. Тогда, может, и желание отпадет. Он панически боится огласки, и того, что его растолстевшая жена узнает об их связи. Поэтому не водит ее никуда — ни в рестораны, ни в развлекательные центры, ни в гостиницы. Жена, конечно, знает. И про нее, и про остальных молоденьких дурочек, надеющихся на заботу, поддержку и щедрость. Молодая женщина с черными волосами идет по улице. Она готова расплакаться. Ей нечем платить за съемную квартиру, и за этот месяц расплатились ее родители-пенсионеры. Сказать, что она очень расстро-

илась по этому поводу нельзя, даже удовлетворение какое-то злорадное почувствовала — что заслуживают, то и получили — не дали ей выучиться в свое время, стать нормальным человеком — пусть теперь расплачиваются! Сегодня не завтракала — в холодильнике пусто. Дочка приготовила себе яичницу из единственного оставшегося яйца и ушла на курсы парикмахеров. Любовник оплатил эти курсы для дочери, и это была в ее понимании такая значительная сумма, что она больше не решается попросить о чем-то другом. И каждое свидание отсчитывает: «Наверное, мой долг уже уменьшился. Интересно — вполовину или на четверть, или на пару тысяч, а может всего на пятьсот рублей? А сколько стоила бы девочка по вызову? Сколько бы он ей заплатил?». По опыту работы в сауне она знает — сколько, и элементарный подсчет показывает ей, что долг давно оплачен, и уже он ей должен за интимные услуги. Но сделать ничего не может. Выключает телефон и врет ему: «Телефон был старый и сломался...», — в надежде, что он поймет намек и купит ей новый телефон. Новый, дорогой, сенсорный, в красном корпусе... Она так хочет новый телефон, так тщательно его себе представляют, что у нее потеют руки. Но стареющий любовник не понимает намеков.

Белый пижонский автомобиль подрезает нашу маршрутку, заставляя водителя с силой крутануть руль, и останавливается на обочине. тормозит на обочине. Пассажиры швыряет в салоне, и слышатся возмущенные возгласы. В автомобиле сидит русоволосый, голубоглазый парень с резкими чертами лица и горбинкой на носу. Чеченец. У него бизнес в Москве, жена и дети в трехэтажном замке на окраине Хасавюрта. В городе он по делам,

и за два дня, проведенные здесь, ему стало скучно. Черноволосая девушка, идущая по тротуару привлекла его внимание настолько, что он решает попробовать. По всем признакам, известным ему, она не откажет — на ней стоптанные балетки, дешевые летние брюки из «Сэконд хэнда», слишком яркий макияж. Он опускает стекло, выглядывает из машины:

— Девушка! Подскажите пожалуйста, куда можно в вашем городе отвезти такую красавицу!

Молодая женщина подходит к нему. Смотрит в симпатичное лицо, морщится, поняв, что он не русский. Но не уходит. В ее голове молнией проносится мысль: «А вдруг он подарит мне новый телефон?».

Маршрутка едет дальше, и я теряю их из виду.

Нас обгоняет мотоцикл. На нем сидят двое — русоволосый мужчина необыкновенной красоты, и молоденькая девушка с расширенными от избытка адреналина зрачками. Он — известный в городе байкер, помешанный на «железных конях». Их он любит больше всего на свете, холит и лелеет. Еще он очень любит молоденьких девушек, да вот беда — ни одна долго не выдерживает конкуренции с мотоциклами, и они быстро исчезают из его жизни, мелькая, как яркие метеоры в августовском небе. Он зарегистрирован на знаменитом сайте знакомств «Мамба», под ником «Санта Абрамович». Ник обещает многое — эдакий кошерный Дед Мороз, который одарит подарками не хуже знаменитого олигарха. Только это обман чистой воды, как и все на сайтах знакомств — никого он не одарит, потому что в карманах свистит ветер, он все время в тяжбах с бывшей женой из-за алиментов на сына — белокурого молчаливого мальчугана, который из всех игрушек предпочитает только

машинки, ну и мотоциклы, разумеется. Мотоциклы мама ему покупает редко и в момент покупки, у нее неизменно возникает выражение глубокого отвращения на лице. А Санта, после своего скоропалительного и быстротечного брака, больше в серьезные отношения не вступает. И подружек выбирает помоложе — чтобы как можно меньше было обязательств. На сайте знакомств он познакомился с сорокатрехлетней женщиной. Это было отступление от правил, и он не собирался завязывать с ней никаких отношений, но написал одно сообщение, получил ответ, потом — другое, и втянулся. Слишком это отличается от его жизни, слишком остроумно, вызывающе, и интересно она отвечает. Каждый раз, заходя в интернет, он в первую очередь открывает ее письма, отвечает на них, потом просматривает сообщения девочек, пестрящие номерами телефонов, выбирает ту, что моложе и симпатичнее, и звонит ей. А сорокатрехлетней подруге изливает душу — кому же ее излить, не этим же свиристелкам. Та ничего не требует, не пытается встретиться, ей тоже нужно кому-то душу излить — те, с кем она обменивается телефонами, так же, как и его свиристелки, для этого не подходят. Не хватает им чего-то — азарта, бесшабашности, что ли, куража какого-то, от которого любая проблема кажется незначительной и легко решаемой. А вот Санта Абрамович пошутит, напишет ей: «Подруга, да все это ерунда, не парься, скоро мы увидимся — выпьем пивка», — она рассмеется перед монитором, и на душе станет легко. Великая вещь — Интернет!

Девушка, судорожно вцепившаяся ему в куртку, думает: «Какая я дура! Зачем я на это согласилась! Да он ненормальный!». И обещает себе больше никогда

не садиться на мотоцикл к красавцу байкеру, но какая-то часть ее сознания язвительно говорит ей: «Сядешь, еще как сядешь, я же тебя знаю!». Занятая этими внутренними диалогами, она не забывает все теснее прижиматься к мужчине, с которым она только вчера познакомилась в кафе в центре города. Ей пришлось угостить его пивом — потому что он, конечно, расплатился бы с ней за все, что она только пожелала бы, да вот беда — кошелек дома забыл. Но это мелочи, ерунда, главное — он такой красавчик!

Черный блестящий мотоцикл обгоняет еще одну машину, и скрывается из глаз.

Улицы окраин — пыльные этой бесснежной зимой, бетонные грязно-белые дома плывут за окном. Пустырь, на котором из сухой светло-серой земли торчат стебли прошлогодней полыни. Маршрутка тормозит и останавливается. Водитель оборачивает ко мне недовольное усталое лицо:

— Приехали! Конечная, выходить будем?

— Да, обязательно, — поспешно отвечаю я, и выхожу и микроавтобуса.

Передо мной — горный хребет, протянувшийся с запада на восток. Покрытые сероватой травой, округлые спины гор, делают его похожим на стадо динозавров, вышедших на прогулку пощипать травки — безобидных кошмарных громадин. Впрочем, во времена динозавров здесь было море. Я провожу носком сапога по земле. Под ногой перекатываются неровные белые камешки — мел. Спрессованные за миллионы лет останки панцирей ракообразных и раковин моллюсков, которые когда-то плыли в теплой зеленоватой воде мимо меня, стоящей сейчас на остановке.

Водитель курит, открыв переднюю дверь. Смотрит вдаль — на горы, голубое небо над ними, думает о чем-то. Не знаю — о чем. И знать не хочу. С собой бы разобратся. Мне сорок три года. Я работаю в маленьком городе психологом-консультантом, и люди рассказывают мне самые разные истории. У меня пятеро детей, которых я ращу одна. У меня был роман с известным в городе ювелиром. Моя подруга — кришнаитка — нанялась к бизнес-леди растить ее позднего ребенка. А ее бывший муж — прихожанин старообрядческой церкви, знающий все перипетии драматической судьбы ее пастыря. Я зарегистрирована на сайте знакомств «Мамба» под игривым ником «Соня Блюм». Моя соседка сегодня судится с бывшим мужем из-за неуплаты алиментов, очень просила прийти меня как свидетеля, да я не пошла.

— Ну что — так и будете стоять, или все-таки вспомните — куда ехали? — иронизирует водитель.

Наверное, его раздражает мое праздное стояние на пустыре. Это не очень вписывается в его картину мира, где любое действие должно быть осмысленно: приехал от конечной до конечной, покурил, сплюнул, завел мотор, и — опять от конечной до конечной.

— Вспомню, — отвечаю я, и снова лезу в маршрутку, пригибаясь, чтобы не зацепить головой низкую дверь.

— Платите, — злится шофер.

— Конечно! — я достаю из кошелька мятую десятку, отдаю ему.

Интересно, если стоять на вершине Боргустанского хребта, виден оттуда наш пустырь? Виден, наверняка. И уж точно видно желтую божью коровку маршрутки, сейчас поворачивающую и пускающуюся в обратный путь.

*17 февраля 2009 г. — 23 июля
2011 г.*

ПРАВИЛО ТРЕХ РЮМОК

Я ужасно испорчена. Просто ужасно. Я пью водку по утрам. Вообще очень люблю водку. С утра — особенно.

Еще я люблю сало и черный хлеб. Идеальная закуска. А вовсе не соленый огурец. Именно сало удержало меня от перехода в иудаизм. В сорок два года, сложив все недосказанности и странности моей семейной истории, я пришла к выводу, моя прабабка скорее всего была еврейкой. Серьезное открытие. В какой-то момент, задолбавшись читать посты ВКонтакте о политизированности и продажности современной христианской церкви, я всерьез задумывалась о переходе в иудаизм. Ну, в смысле — целое утро серьезно думала. В интернете инфу искала. Но — я бы не смогла жить без сала. Кстати, сегодня Рождество. Православное. Это значит — не когда весь мир отмечает, а седьмого января — когда Россия. Родину свою я ненавижу всеми фибрами души, впрочем это — национальная черта. Еще не встречала русского, который бы любил Россию. У Пушкина и Достоевского были проблемы с этим. У Толстого, по-моему не было, но я так ненавижу Толстого, что это неважно.

Так о чем это я... А, о еде! Я обожаю чечевицу. Масса людей понятия не имеют — что это такое, и какова она на вкус. И слава богу! Причем чечевица продается в «Ашане» совершенно свободно. Ее покупают какие-то

вьетнамские мигранты, узбеки, негры и я. Не пробуйте чечевицу! Никогда! Довольствуйтесь своими чипсами, курицами-гриль, и семгой, или что вы там еще едите. Но не протягивайте руки к чечевице! Когда-то ее ели каждый день наши предки. Теперь этот вкус забыт, и хорошо. Мне больше достанется. Я готова ее есть каждый день. Я безумно боюсь стоматологов. До обморока. Когда все мои зубы выпадут, я все равно смогу есть чечевицу. Наслаждаться чечевицей. Ее дешевизна неоднократно спасала меня и всю мою семью от голодной смерти. А вкус! О! Понимаю Исава! И этого — мелкого говнюка Иакова. Знал же — чем прельстить голодного человека! Поэтому в иудаизм я не перейду.

Так вот — о водке. Я пью с утра то, что стоит в холодильнике — водка или виски — три рюмки на завтрак. Женский алкоголизм не лечится. Отлично! По-моему привычка утром пить крепкие напитки уже начала отражаться на моем лице, и скоро меня перестанут брать на работу косметологом. Плевать! Пойду кассиршей в «Ашан» — там есть чечевица, я их уважаю! Вот когда я занималась новым проектом — своим бизнесом — я вообще не пила! Полтора месяца — ни грамма! В холодильнике ничего не было! Даже забыла — где винные отделы в супермаркетах! Я пыталась открыть в Москве свой салон красоты. Потом меня кинули на крупную сумму, и я начала пить. Снова. По утрам. Видимо, я специально по всей Москве искала самых жестких аферистов, которые точно бы кинули с арендой кабинета, потому что довольствовалась ксерокопиями документов, подписывала какие-то липовые совершенно договоры, чтобы потом иметь возможность пить на законных основаниях. Иначе бы повода не было. Иначе я требовала бы их

паспорта, патенты, документы на собственность недвижимости в Москве. Но это все как-то так сложно, это так напрягает — требовать от людей документы, обязательства. Легче было верить на слово. Я и поверила. Заплатила аренду, депозит, еще что-то. Главное же — деньги отдать. Чтобы потом предаваться горю. Парикмахерской в Москве у меня не получилось. Я нашла мальчиков из Нальчика, занимающихся выбиванием долгов. Они вернули мне деньги. Это была увлекательная история, и я получила невероятный опыт. И — повод пить от несбыточности своих планов. Вед главное в нашем деле — повод.

Самый шикарный повод был, когда я влюбилась последний раз! О! что это было за чудо! Влюбилась в последний раз я... э-э-э в каком году? Черт! Мама уже умерла, значит это был 2009 — не раньше, и.. постойте! Годовщину маминой смерти мне помогал материально отмечать мой любовник, в которого я не была влюблена, уж точно, и это был октябрь 2009. Так... А с этим, как его... Саша-Петя... ну ладно, не важно, мы познакомились на балкончике — еще ромашки стояли на столе, вместе с водкой... Ромашки... Это летом что ли было? А в октябре у меня уже был новый любовник? Ладно, это все не важно. Важно, что я влюбилась в последний раз в жизни, и было мне — сорок два года! Отлично! Роман был необыкновенно бурным: длился целый месяц. Потом позвонила его жена. Я не подозревала, что у него есть жена. Не довелось спросить. А он не говорил. Я же не спрашивала. А она существовала в действительности. И позвонила мне среди ночи. «Женщина, а вы — кто?». И все кончилось. Но потом — я так страдала! Это было прекрасно! Моя подруга, работавшая портнихой, тоже

страдала в тот момент. И тоже от безуспешной любви. Он у нее не был женат. Но он был наркоман с большим стажем. Это не давало возможности выйти за него замуж и родить детей. Все же чувство самосохранения у нее срабатывало. Но боли не уменьшало. В запой мы ушли вместе. У нас был доступ к спирту. За полтора месяца мы выпили три пятилитровых канистры! Когда мы подсчитали — охренели просто! Спирт пили как компот. Его разводили кипяченой водой. Особо славилась я. Я умела развести спирт так, чтобы он был не слишком обжигающим, и не слишком слабым — примерно как водка. Я чувствовала душу спирта. Я разводила идеально! Спирт мы пили целый день. С утра. Болели душой. Сильно. Любовь — прекрасный повод напиться.

Это лучше, чем прыгать из окошка, или резать себе вены.

Правда-правда!

В мой последний приезд в родной город я была трезва как стеклышко. Я же занималась проектом, я была вся на взводе, и алкоголь был мне ни к чему. Но подруга пригласила домой, и поставила на стол спирт. Мы пили его для конспирации от ее домашних — из заварочного чайничка с голубыми цветочками. Типа там заварка. Пили, и не пьянели. Говорили много. Потом нас разогнала ее дочка — ей полтора года, и спирт от компота она прекрасно отличает по запаху. Чайничек с цветочками ее в заблуждение не ввел. Пришлось идти домой. Я вышла в ночь и увидела звезды! Вы видели в Москве звезды? Нет! А там — прямо передо мной на черноте неба бриллиантами был выложен Орион — небесный охотник! И Малая Медведица! И Плеяды! Я стояла и смотрела как замороженная. Потом шорох возле темной стены сосед-

него дома меня отвлек. Я вспомнила, что я не в Москве, и сейчас со мной может случиться все, что угодно, и это может мне не понравиться, и побежала домой. А в опавших листьях, видимо, кошка возилась. Мышей ловила ночью. Но мне помогло вернуться в реальность.

Ага, вот, вспомнила! Почему три рюмки. Так меня научил пить бывший начальник санатория, где я работала маникюршей. Он умер от рака, Царствие ему Небесное! Я приезжала к нему домой — делала педикюр, до самой смерти. До покупки санатория он владел сетью заправок в Осетии. Но душа просила большего. И он купил санаторий в Кисловодске. А через полгода у него диагностировали рак.

Лечили в Москве, в кремлевской клинике. Сделали операцию, но поздно. Он вернулся в Кисловодск и жил в ВИП-корпусе санатория с женой, страшно похудевший и почерневший лицом. Меня периодически вызывали к нему — делать педикюр. Вспоминать, как с содроганием обтирала полотенцем его худые ноги, невыносимо. Чтобы не чувствовать страха и отвращения, болтала с ним о всякой всячине — о своей семье, о детях, и слушала его рассказы.

После педикюра каждый раз он шел к серванту, доставал початую бутылку коньяка, рюмку, и говорил:

— Таня, выпей!

Я начинала смущенно отказываться, но это была лишь игра, потому что выпить после такого и правда хотелось. Он это понимал. Смотрел на меня усталыми глазами смертельно больного человека и говорил:

— Мне уже нельзя — врачи запрещают. Я хоть посмотрю, как ты пьешь, и порадуюсь.

Он наливал полную рюмку, потом доставал трясущи-

мися руками из серванта коробку конфет, открывал ее и смотрел с надеждой. Я лихо опрокидывала рюмку, закусывала конфетой, и уже бралась за ручки сумки с инструментами, но Александр Джавадович удерживал меня на стуле, опустив костлявую руку на плечо, и наливая вторую рюмку:

— Надо пить три рюмки. Всегда! Мы же христиане! Наш Бог — Троица! И рюмок должно быть три! Первая рюмка — приготавливает, вторая — укрепляет, третья — для радости. Именно третья пьянит. Все, что будет после третьей — бесполезно. Все равно, что на пол вылить. А меньше третьей — тоже бесполезно. Все равно, что воду выпить.

Христианство по-осетински.

Пока Александра Джавадовича лечили — в Москве, потом в Германии, санаторий разорился. Дорого в наше время раком болеть. Ну еще его зам — маленький, толстенький, оказался заядлым игроком. Он собирал выручку санатория и улетал в Гонконг — в казино. Там наш санаторий и остался. В денежном эквиваленте.

А я все ездила к нему — стричь ногти на ногах. Он угасал, худел еще больше, хотя казалось — дальше уже некуда. Смотреть на него было страшно. Он стал похож на Кощея Бессмертного из русских сказок. Во взгляде появилась жесткость, в разговорах — желчный цинизм. Но к своей педикюрше он относился по-прежнему. Я не показывала жалости и страха. Я была деловита и приветлива, как и раньше. Видимо, это ему и было нужно. В глазах остальных он читал ужас и жалость. А я улыбалась, раскладывала инструменты на белой салфетке, брала в руки желто-коричневую ногу — просто кость, обтянутую кожей, и отважно вытирала ее полотенцем.

И никакого отвращения и жалости на лице. Это искусство. Это он и ценил. За это и платил. Деньгами, хотя я и отказывалась, и коньяком. Каждый раз, к его удовольствию, я пила три рюмки коньяка перед уходом.

На похороны я не поехала. Да меня и не приглашали. Там было руководство санатория, главный бухгалтер, юрисконсульт, члены семьи, и его зам — тот самый веселый жизнерадостный толстяк с бегающими глазами, проигравший в Гонконге санаторий. Тогда этого еще никто не знал.

А потом из-за непомерных долгов санаторий закрыли.

К тому времени мои дети подросли, и уехали учиться в Москву, а я — за ними.

В Москве все складывалось не так, как хочется. Но водка в супермаркетах продается.

И я люблю выпить утром. Из окна видна далекая панорама Москвы — на переднем плане поблескивает золотыми звездами на синих куполах Перервинский монастырь, за ним — разбросаны белые кубики жилых домов, тонущие в зелени, сейчас подкрашенные нежно-розовым светом восходящего солнца. А далеко на горизонте между двумя белыми, розовеющими в лучах восхода, многоэтажками, угадывается шпиль университета. Он горит огнем в лучах солнца, и звезда в окружении лавровых ветвей, тоже горит маленьким солнцем. Из труб ТЭЦ валит дым. На душе хорошо! Так хорошо, что хочется напевать Лебедева-Кумача: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля...», — потому что реально красит! Все такое нежнейше-розовое по утрам, такое возвышенное, мягкое, сладкое необыкновенно.

Вот Чехов мучился: «Замечательный день сегодня. То ли чай пойти выпить, то ли повесится», — не надо вешаться. А водка на что?

ТРИ ДЕВУШКИ С ЧЕМОДАНОМ И ДОРОЖНОЙ СУМКОЙ

Света спешит утром на работу. По узенькой улочке, обсаженной огромными тополями, она бежит к метро. Сейчас — минут двадцать пять в переполненном вагоне висеть на поручне, потом бежать к салону красоты. За опоздание хоть на минуту — штраф пятьсот рублей. Штраф платить не хочется. Маникюрша за смену может заработать всего пятьсот рублей. А может и больше. Как повезет. Она думает о дочери, которая сейчас едет в автобусе на учебу в колледж. Они в Москве уже три года, и она справляется — есть съемная комната в коммуналке, есть работа, есть клиентура, хотя поначалу туго пришлось. Но лучше не вспоминать. Отвлекаясь от рутинной, каждодневной пробежки до метро, Света думает о том, что в Москве девять железнодорожных вокзалов, и туда каждое утро прибывает куча поездов, и в каждом поезде вагонов по пятнадцать, и все, кто приезжает на них — практически все — едут в этот город заработать, исполнить свои мечты, найти себе столичных принцев, ну и так далее — мечты эти банальны, и хорошо всем известны. И, тем не менее, не теряют актуальности годы и годы. Света ненавидит всех, кто приезжает каждое утро в Москву. Конкуrentки. Хватит уже. Москва не резиновая. Света сама тут еле устроилась. А они едут

и едут, прут и прут. И где им всем тут жить, работать, и кем? Сбегая по ступеням в жерло входа в метро, Света представляет себе очередную серую гусеницу поезда, врывающегося, например, под крышу Казанского вокзала, и толпу, выбегающую из дверей на перрон. Но тут ее толкают в бок — вертлявая девица на каблуках обгоняет на спуске. Рука отставлена, на ней болтается изящная сумочка, но сила толчка как у метательницы молота. Света буравит ее спину взглядом, хочется размахнуться и стукнуть по белокурой голове своей сумкой — совсем не изящной, очень даже тяжелой из-за контейнеров с борщом и макаронами, взятыми на обед, и это отвлекает ее от мыслей о приезжающих этим утром в Москву.

Когда стали подъезжать, народ в вагоне зашевелился разом: начали собирать белье, скатывать матрасы, в туалет образовалась очередь из желающих переодеться. Кто попроще — переодевались прямо в своих купе. Женщины вытащили косметички, и начали рисовать лица, подходящие для столичных жителей. Шум, движение, суета.

Вера смотрела в окно на сосновый бор, весь пронзенный лучами солнца. Стволы золотились на свету. Потом между сосен пошли дачные домики, заборы, мелькнул полустанок — надпись на перроне она не успела прочитать. И снова — сосны, сосны, кое-где разбавленные березой.

— Пряма Шишкин, — вздохнула Вера. — Такая красота!

Сергей пришел из душных недр вагона, остановился в проходе, держась за поручни. Его толкнули, пронося кипу грязного белья, толкнули второй раз, едва не ошпарив кипятком из дорожного граненого стакана в желез-

ном подстаканнике. Наконец он сказал:

— Вер, слышь! Может пойдём, покурим?

Вера посмотрела на него долгим взглядом, молча полезла в сумочку, достала сигареты.

Когда они ушли, Люба с Надей обменялись выразительными взглядами. С вечера целая компания ребят пыталась завязать разговор, приставали. Но они их быстро отшили. Те ушли, поняв, что ловить тут нечего, а один — Сергей, остался. Потом долго не давал спать. Сидел в купе, травил несмешные анекдоты, смеялся, ел Веру глазами. Когда выходили в тамбур курить, стоял близко, пытался положить руку ей на плечо. Вера выскальзывала, уходила от его объятий. Слишком уж он был прост. Обычный такой парень, ехал в Москву на вахту — работать шофером на «ГАЗели», жить в рабочей общаге. Зачем он ей нужен — такой. Не для этого они в Москву собрались, чтобы со всяким шоферьем связываться. Покури́в, возвращались в купе, и опять: лалала. Соседи громко вздыхали и кашляли, ворочались на полках — им хотелось выспаться перед Москвой. А девчонкам не спалось. Как-то оно все завтра будет? Куда они пойдут в Москве с вокзала? Где следующую ночь переночуют? Но друг перед другом старались страх не показывать, и даже бородатые анекдоты Сереги отвлекали от тревожных мыслей. Наконец из соседнего купе пришла сердитая тетка. Отчитала полуночников, и Серега, так ничего и не добившись, ушел к себе, а девушки легли на свои места и затихли. Вера смотрела в пластмассовую стенку купе. Думала. Вот выйдут они завтра из поезда — дальше что? Понятно, что в Москве приезжих больше, чем жителей, и все живут на съёмных квартирах. Наверное, не составляет никакого труда най-

ти жилье. Даже у них в городке на вокзале стоят старушки с объявлениями: «Сдаю комнату», — так что — в Москве так не стоят? Конечно стоят. И какая-нибудь пенсионерка с удовольствием сдаст трем девушкам комнату. Они будут работать, приходиться на съемную квартиру только ночевать, в выходные — гулять по Москве. Там же столько всего интересного! У Любы припасен телефон сестры мужа ее тетки — она с семьей жила на съемной квартире в Марьино. В крайнем случае можно будет к ней поехать — одну ночь переночевать, если сразу с квартирой какие-то заминки будут. Перво-наперво квартира. За день они эту проблему решат. А на следующий день — работа. Эх, сколько в Москве работы для молодых, красивых девушек! Люба с Надей техникум закончили, у них дипломы бухгалтеров. В их городишке без опыта работы не устроиться. И вообще не устроиться — куда? Все позакрывалось. Вот и решили рвануть в Москву. Вера была чуть постарше. Работала диспетчером в службе такси. Жуть! На работе — одни мужики, да и те — типа этого Сергея, или дядьки постарше, которые без работы остались, когда комбинат закрылся. И все пристают. А дальше? Замуж? За какого-нибудь таксиста, который всю ночь будет работать, баб пьяных на заднем сиденье трахать, а днем отсыпаться, да борщ с котлетами жрать, а по пятницам в гараже с мужиками напиваться до поросячьего визга. Да лучше сразу удавиться, чем такой жизнью жить! И дядя Петя — отец Нади — их поддержал:

— Девчонки, не дрейфьте! Такие красавицы выросли! Для вас и женихов-то тут не найти. Только в Москву! И бояться ничего не надо. Через год на своих машинах домой приедете — родителей проведать.

Он сидел на кухне, запивал голубцы домашним ква-

сом, икал, чавкал, и в самых патетичных моментах своего монолога размахивал вилкой, вымазанной в сметане.

Хороший он мужик. Простой и хороший. Надькиной матери — тете Марине — повезло с ним. Непьющий — так, если только по праздникам, все в дом, пашет всю жизнь ради семьи. Здорово такого отца иметь. Вон — Веркиной матери не повезло так, как сестре. Отца Вера не помнила. И фотокарточек не осталось. Мать на вопросы отмахивалась:

— Да что он: пил, гулял как все мужики. Зачем он такой нужен? Выгнала и правильно сделала. Лучше одной, чем так.

Лучше одной...

Колеса под ухом стучали: «лучше одной... лучше одной...». На этой мысли Вера заснула. А когда проснулась — за окном уже было шишкинское Подмосковье.

В тамбуре закурили. Стояли молча. Вера смотрела в сторону. Серега ел ее глазами. Наконец решился:

— Слышь, Вер, в Москве-то у вас, как я понял, нет никого. И вы в первый раз едете. Запиши мой телефон.

Вера дернула плечом.

— Запиши — запиши! Я много чего не обещаю — сам в общаге там живу, но если что — свистнем по друзьям, вмиг вам какой угол найдем. Да и вообще, мало ли что. Москва — опасный город. Я помогу. Звони...

Вера достала из кармана джинсов телефон, записала его номер в телефонную книгу. Потушила окурок о стенку консервной банки, висевшей на перекладинах двери в тамбуре, и вернулась в вагон, не выпуская из рук телефона — чтобы сразу стереть Серегин номер.

Поезд въезжал в Москву. За окнами плыли башни новостроек, ленты шоссе, их сменяли какие-то жуткие

промзоны — полуразрушенные ангары, пустыри, переплетения железнодорожных путей. Было ощущение, что они двигаются по изнанке столицы — там, где все швы, узелки, нитки, сшивающие большой город, были видны. Тянулись серые стены, разрисованные яркими, непонятными граффити: в острых ядовито-зеленых и лиловых ломанных угадывались латинские буквы, но их сплетения никак не складывались в слова, между ними росли фиолетовые, в зеленую крапинку грибы, падали звезды, проскакивая сквозь витки чудовищной колючей проволоки.

— Вер, поддержи простыню в проходе, переоденемся здесь, в туалете я не собираюсь переодеваться — еще испачкаемся, — скомандовала Надя.

Вера сунула телефон в карман, так и не удалив номер Сергея, натянула простынку как ширму. Сзади толкались — кто-то торопливо нес, комкая в руках, пук постельного белья, кто-то уже тащил чемоданы в тамбур, оттуда зычно ругалась проводница — толстая тетка с коротко остриженными выбеленными волосами — частокол потных прядей не закрывал складку на короткой шее:

— Куда вы все заставили! Мне выйти к дверям как будет? Что я — по вашим чемоданам прыгать буду? В Москве не выпущу никого! Здесь останетесь!

Переодевшись, девчонки начали торопливо краситься. Ровно подвести глаза не получалось — поезд ехал толчками, руки тряслись.

— Ну что. Вер, объяснила пацану — где его место? — хихикнула Люба.

— Ой, молчи! Уже пора из головы выбросить этого вагонного ухажера, — отмахнулась Вера.

Внезапно стало сумрачно, свет померк, поезд дернул-

ся сильно, и оказалось, что уже прибыли, уже въехали под серую крышу Казанского вокзала. Надя вытянула из-под полки чемодан. Чемодан был допотопный — с железными уголками. Фибровый. Дома лежал на антресолях. Папа уговорил его взять:

— Нечего стесняться. С поезда сойдете, никто вас там не знает, и стесняться некого, а как с жильем определитесь, чемодан у вас под кроватью будет лежать. Никто его не увидит. А чемодан — это вам не сумочки всякие новомодные, куда ничего не поместится, и все помнется. В чемодане вещи разложили аккуратно, достали, встряхнули и одели. Чемодан — он для дорожного человека шкаф заменяет. Вот заработаете, купите себе модные, дорогие.

Чемодан действительно оказался вместительный как сундук. В него уместились вещи и Нади, и Веры.

Люба пришла в ужас, увидев их доисторическое серозеленое чудовище. Она взяла с собой дорожную сумку — черную, длинную, неудобную.

Девушки стояли в купе и никак не могли вклиниться в бесконечную очередь из выходящих пассажиров. И только когда до них дошел Серега со своей клеенчатой сумкой, то остановился и пропустил девчонок перед собой.

На перроне он махнул Вере рукой и пошел вперед, лавируя в людском потоке.

Они огляделись.

Серая крыша закрывала небо, от этого на перроне было сумрачно. Люди, вышедшие из вагона, спешили все вперед — к зданию вокзала, и лица у всех приобрели одинаковое замкнуто-надменное выражение.

Подхватив чемодан и дорожную сумку, они двинулись

в общей толпе.

Сколько девушки ни крутили головами, никаких бабuleк с объявлениями «сдам квартиру» не было видно ни на перроне, ни возле вокзала.

— Может в здании что-то будет? — робко произнесла Люба. — Или на улице?

Казанский вокзал оглушил размерами и шумом. Что-то говорил женский голос в динамике, но странные акустические особенности здания глушили звук, превращая объявления о прибытии и отправлении поездов в кашу невнятицы, галдели приезжие из Средней Азии — они сразу выделялись в толпе, кто-то кричал кому-то:

— Скорее, на третьей платформе! — и этот голос разносился под сводами громко и отчетливо.

Вдруг через зал ожидания прошествовала вереница ребят лет по двадцати с раскосыми глазами. У многих на спинах футболок было написано «Киргизстан». Вел их немолодой коренастый киргиз.

— На стройку приехали, — пробурчала бабулька в красных брючках и салатной рубашке, — сейчас их в общежитие повезут, они там вповалку спать будут, а потом кинут на работе, и ничего не заплатят.

Она буравила отходящие спины приезжих полным злобы взглядом.

Вера решила, несмотря на выражение ее лица, и спросила:

— А вы нам не подскажете — где здесь квартиры сдают?

Та покосилась на них, на чемодан, фыркнула и прибавила шагу, ничего не ответив.

Они вышли через огромные двери и оказались на залитой солнцем площади трех вокзалов. Прямо

перед ними был сквер — зеленые газоны, низкий бортик из подстриженного кустарника и бронзовый памятник первому министру путей общения Павлу Петровичу Мельникову.

— Чей это памятник? — спросила Надя.

— Кутузову, наверное, — отмахнулась от нее Вера.

Шум, гам, толкотня уже действовали ей на нервы.

Надя с Любой бестолково вертели головами, оглушенные Москвой, жарой, солнцем.

Вера сказала:

— Знаете что, мы так ничего не добьемся. Люб, давай позвоним этой твоей тетке в Марьино, приедем, у нее совета спросим, и уже будем действовать.

Люба достала телефон, набрала номер.

— Алло, тетъ Полин, здрасьте! Это Люба, племянница Лили... Ну Лили! Жены дяди Славы, брата вашего!.. Да!.. Да!.. Вспомнили?! Да!.. Да я уже в Москве! Сейчас приехала... Нет... Нет... Не одна — две подруги со мной... Да мы на Казанском вокзале стоим! Да... да...

Вера с Надей напряженно смотрели на нее, пытаясь понять по ее репликам — что там говорила тетя Полина.

— Ага, — продолжала Люба, — да не волнуйтесь! Мы сейчас поедem квартиру искать. Нам бы только вещи бросить где-нибудь, чтобы не с чемоданом по городу носитьcя. Да... Да... Понятно... Метро «Марьино»? Так и называется? Понятно... Сейчас подъедем! — Люба победно посмотрела на подруг. — Все, едем в Марьино! Как выйдем из метро, позвоню ей, она объяснит как пройти. Говорит, от метро совсем недалеко.

— А почему она просто адрес не сказала? — спросила Надя.

— Ну что ты! Это же Москва! Тут по адресу дом найти

очень сложно. Она нам сразу там объяснит — как идти, в какую сторону, чтобы мы не плутали там по всему району. Так! Где здесь вход в метро?

Подойдя к турникету метро, они остановились перед автоматами по продаже билетов. Люба присвистнула:

— Нихрена себе! Одна поездка — пятьдесят рублей! Это как? Здесь же пешком не походишь — все ездят. И что? И как? Блин! Это сколько же зарабатывать надо, чтобы столько на метро тратить?

— Смотри — пять поездок сто восемьдесят рублей, — ткнула пальцем в экран Надя, — Уже дешевле. Наверное если еще больше покупаем, то дешевле.

— Давайте уже эти пять поездок купим, и втроем до Марьино доедем! — Вера злилась на усталость, на непрерывную суету, на неизвестность — что им делать в этом городе, куда идти, и как решить проблемы.

Мимо них неслась равнодушная толпа. Люди бежали с озабоченными, мрачными лицами. «Они же все приезжие», — подумала Вера: «И все снимают жилье, и платят за метро как-то не пятьдесят рублей за поездку, и работают. Как-то же они это делают?»

Купив билет, они остановились перед схемой метро, похожей на паутину, сплетенную пауком, обвевшимся мухоморов, и начавшим производить под действием галлюциногенов цветную нить. В глазах рябило от обилия станций. Начали искать нужную.

— «Алтуфьево», «Медведково», «Полежаевская», — читала шепотом Люба.

— «Бульвар генерала Ушакова», «Новоясеневская», «Университет», — прыгала по низу схемы Вера.

— «Новокосино», «Семеновская», «Щелковская», — водила пальцем по схеме Вера.

Минут через пять, перебрав всю схему не по одному разу, они, наконец, нашли станцию «Марьино», и даже проложили путь к ней с одной пересадкой на «Курской». Но в метро сразу запутались, едва не уехали в другую сторону по Калужской ветке, в конце концов, попали на «Комсомольскую» — кольцевую: с колоннами, тяжелой позолотой потолка, где все же сели в нужный поезд и поехали куда надо.

Марьино обрушилось на них потоком машин, несущимся по Люблинской улице, автобусами, отправляющимися в разные стороны от метро, толпой людей, бегущих во все стороны. Прямо возле метро был огромный торговый центр с яркими плакатами кинотеатра, и рыночные ряды, где темноволосый, загорелый до черноты мужчина горланил:

— Арбузы, дыни из Средней Азии! Арбузы!

Из ларька, где торговали шаурмой и пирожками, на них уже поглядывали молодые, белозубо улыбающиеся таджики. Девчонки подошли к автобусной остановке, сплошь обклеенной разноцветными листовками объявлений. В глазах зарябило от надписей: «Кредит», «Кредит на любые цели», «Моментальный кредит», «Дипломы, аттестаты», «Разрешение на работу. Регистрация. Патент», «Гадалка на картах Таро, кофе, 100% результат. Неснимаемый приворот», «Общежития», «Койко-место», «Помогу сдать/снять квартиру». Люба принялась звонить родственнице. Трубку долго не брали. Люба набирала опять, и хмурилась, вслушиваясь в долгие гудки. На третий раз тетка откликнулась:

— Тетя Поля! — закричала она в трубку так, что люди на остановке обернулись на них. — Теть Полин! Мы в Марьино! Куда теперь идти?.. Что?.. Что-что?.. — опу-

стив руку с телефоном, ошарашенно посмотрела на Веру с Надей. — Она говорит — их соседи залили, сейчас говорить не может. Говорит: как устроитесь, позвоните...

Люба села на скамейку и заплакала.

— Не реви! — прикрикнула на нее Надя. — Пять минут в Москве и уже ревешь! Не плачь — люди смотрят! Вот, смотри! — она протянула руку и сорвала объявление со стеклянной стенки остановки. — «Койко-место в общежитии». Вот еще, — она сорвала следующее. — «Общежития». Давайте звонить.

— У меня денег уже на телефоне нет, — Люба снова залилась слезами.

— У нас есть. Успокойся! — Надя достала телефон и набрала номер с первого объявления.

Ответил резкий женский голос:

— Да! Да, у нас общежитие. Комнаты на восемьдесят человек. Двухъярусные кровати. Женщина говорила отрывисто, грубо.

— На восемьдесят? — опешила Надя, — Нас трое. Нет таких комнат, чтобы втроем жить?

— Нет. Таких нет. Но вас троих разместим. Подъезжайте. Не в одной комнате — у нас нет сейчас такого, чтобы сразу три места было свободно. Но потом переселим.

— Извините, нам это не подходит, — пробормотала Надя.

На следующем телефоне отозвался мелодичный женской голос:

— ... Вас трое? Да-да, есть у нас такие варианты. И в общежитии есть — можете в комнате жить втроем в общежитии. А могу вам подобрать комнату в квартире с хозяйкой. Есть в наличии. Подберем то, что вам нужно.

Давайте завтра созвонимся — поедем, посмотрим с вами вместе.

— Нам завтра нельзя! Нам сегодня ночевать негде! Давайте хоть общежитие, но сегодня.

— Ну, общежитие, так общежитие, — легко согласилась милая собеседница. — Вам надо сейчас в офис подъехать, договорчик подписать, оплатить, и — поедем все-таки.

— В офисе оплатить? — переспросила Надя, — Разве не в общежитии платится?

— У нас договор с общежитием, — мурлыкала женщина в трубке. — Оплачиваете в офисе, мы им сами перечисляем, и — смотрите — вся сумма — это уже плата за проживание за первый месяц. Вы сейчас где находитесь? В Марьино? Прекрасно! Превосходно! Чудесненько! Вам подъехать одну остановочку надо и там пройти чуть-чуть. В офисе скажете, что вы от агента Славы. Запомните? Слава — мое имя, — она начала объяснять куда идти, Надя кивала, замороженная журчанием ее голоса.

— Все, девчонки, поехали! Люба, не плачь! Это же Москва! Здесь все проблемы решаемые.

Они подхватили чемодан, дорожную сумку, и побрели искать остановку нужного автобуса.

Офис располагался в подвале жилого дома. Вниз вели ступеньки, упирающиеся в железную дверь с панорамным глазком и кнопкой звонка сбоку. Никаких вывесок видно не было — ни на двери, ни на стенке рядом, ни вверху на козырьке.

— Мы правильно пришли? — занервничала Вера. Чемодан уже оттянул ей все руки, хотя они несли его с Надей по очереди. К тому же он так чудовищно выгля-

дел в московской толпе, что ей казалось — все смотрят на этот чемодан с высокомерной насмешкой.

На звонок дверь открыл коренастый крепкий парень, мрачно уставился на них, не говоря ни слова.

— Мы от агента Славы, — торопливо стала объяснять Надя, — по поводу общежития.

Он молча посторонился, пропуская их внутрь.

В полутемном помещении была одна открытая дверь, куда они и прошли. В комнате за потертым канцелярским столом сидела женщина, крашенная в блондинку, в очках в толстой черной оправе. Вера подумала, что стол, за которым она сидела, мог бы быть ровесником их чемоданчика, покосилась на чемодан, и решила — нет, все же чемодан постарше будет. А вот женщина в офисе вполне могла бы такие чемоданы помнить. Может она и приехала в свое время в Москву с таким же.

— Мы по поводу жилья — пролепетала оробевшая почему-то Надя.

— Как имя агента вашего?

— Слава, — ответила Люба.

Женщина вынула из стола бумаги:

— Читайте договор, подписывайте, с вас восемь тысяч.

— Нам сказали, что это мы оплачиваем уже месяц проживания, — занервничала Вера.

— Угу, — кивнула та. — Кто будет договор подписывать? Она придвинула бумаги в сторону Любы, и та машинально опустила на стул и взяла договор в руки. Ей тут же протянули ручку.

— Прочитай, — прошептала ей на ухо Надя.

— Да неудобно, — шепотом ответила Люба, — они же нас поселяют.

— Хотите — читайте, — равнодушно сказала блондинка и добавила, — деньги кто платит?

Вера полезла в чемодан за деньгами. Люба начала читать договор, стараясь всем своим видом показать, что они вполне доверяют этой странной организации, чтобы и здесь им не отказали, как родственники, и проблему с жильем они решили. Люба нервничала и никак не могла понять смысл, глаза выхватывали какие-то странные фразы: «... оплата информационных услуг...», «... подбор вариантов...».

— А-а... а здесь ничего не написано про общежитие, пробормотала она, поднимая глаза.

— У вашего агента договор с общежитиями — несколькими по Москве. Поедете на место, там еще один договор подпишете.

— А деньги? — вступила в разговор Надя. — Они там как узнают, что деньги мы здесь заплатили?

— Чек вам дам, — ответила женщина и набрала номер на сотовом. — Вот — ответьте своему агенту, — она протянула телефон Любе, но трубку бдительно взяла Надя.

— Алло! Девочки! Ну что у вас там? Оплатили уже? Оплачивайте-оплачивайте, я вас уже жду, — зажурчал в трубке знакомый голос.

Надя кивнула Любе и Вере, Люба подписала договор, Вера протянула деньги.

Им выбили чек, прикрепили степлером к договору. Когда деньги падали в ящик стола, у Веры что-то защемило внутри, но она промолчала.

Они вышли на улицу мимо все того же парня, который закрыл за ними железную дверь. Прошли несколько метров.

— Нам куда теперь? — очнулась первой Люба.

— Позвонить надо! — очнулась следом Надя. — Она же мне адрес еще не сказала.

Она достала из сумочки телефон и вздохнула:

— Зарядка вот-вот сядет, да и деньги уже, видимо, кончаются.

Телефон давал долгие гудки и никто не брал трубку.

— Куда она подевалась? У меня сейчас батарея разрядится!

— Через пять минут набери, — сказала Вера, — может она в метро.

Они пошли дальше. Все трое были уже голодны и достаточно измучены. В автобус вошли почти автоматически, чтобы не стоять на одном месте. Пришлось опять покупать билет на три поездки. Деньги ощутимо таяли. Народ в автобусе косился на чемодан. Доехали до метро. Вышли и вопросительно посмотрели на Надю. Та опять набрала Славу. На этот раз она ответила.

— Алло! Куда нам ехать? Да... Да... Понятно, — и, выключив телефон, выпалила девчонкам, — Запоминайте! Улица маршала Голованова пятьдесят шесть! Где-то здесь недалеко. Нас ждут!

Они пошли вперед, спрашивая у всех дорогу. Солнце жгло немилосердно, было душно. Тени на бульваре практически не было — редкие деревца были слишком малы. Марьино оказался довольно молодым районом. Выйдя на нужную улицу, они стали спрашивать нужный дом, но прохожие лишь пожимали плечами. Прошли, ориентируясь на номера, но последним был тридцатый. Дальше шла трасса, за ней — небольшой парк, а за ним простиралась водная гладь Москвы-реки, и виднелись белые кубики многоэтажек на другом берегу, рассыпан-

ные до самого горизонта, словно этот город никогда не кончался. А на улице Маршала Голованова было всего тридцать домов.

Девушки стояли, растерянно глядя на синий номер с цифрой «тридцать» на стене.

Первой заплакала Люба. Она стояла, всхлипывала, размазывая слезы по щекам.

— Прекрати! — прикрикнула на нее Вера, — сейчас же прекрати! У кого телефон еще живой?

Но тут заплакала и Надя. Вера, зло глядя на ревущих подруг, вытащила свой телефон, набрала номер. Никто не откликнулся.

— Что делать? — прошептала Люба, глядя на Веру таким взглядом, как смотрит ребенок на маму.

— Что ты смотришь на меня? Что смотришь? Не надо так смотреть! Наебали нас! Не понятно? Блин! Как же мы так лоханулись? Надо обратно идти, деньги требовать.

Три девушки сидели за столиком под зеленым зонтом в кафе «Макдональдс». Старый, огромный и нелепый чемодан и дорожная сумка стояли под столом. Они ели бургеры, картошку-фри, запивая кока-колой. Ели молча, мрачно поглядывая на проезжающие мимо них машины от окошка «Макавто». Наконец Люба сказала:

— Они же даже дверь не открыли! Даже не открыли!

— Надо было полицию вызывать, зря вы меня не послушались, — зло сказала Вера.

— Ты договор перечитывала? «Информационные услуги», все остальное — на словах. Полицию бесполезно было бы вызывать, ничем бы они не помогли. Просто мы им поверили. А верить нельзя было...

Они сидели за столиком мрачные, усталые, лицо

Любы было распухшим от слез. Надя яростно макала картошку фри в соус. Вера насасывала через соломинку талую воду от кубиков льда в пустом стаканчике, отчего та издавала булькающие звуки.

— И что теперь? — спросила Надя, — Куда теперь?

— Видимо, на Казанский вокзал, — пожала плечами Вера, — деньги на обратную дорогу только и остались...

— Не поеду я домой! — хлопнула ладонью по столу Люба, — Не поеду! Над нами весь город будет смеяться! Приехали в Москву! На один день! Все успели — деньги потратить, на метро покататься, в «Макдональдсе» пообедать.

— На Красной площади не были, — подала голос Надя, — может, поехали на Красную площадь?

— С чемоданом! — съязвила Люба, — только представь себе эту картину! Да я уже смотреть на вас с ним не могу!

Одна из машин, отъезжавших от окошка выдачи заказов, вдруг притормозила возле их столика. С водительского места улыбался молодой мужчина с черными, курчавыми волосами:

— Девчонки, что такие грустные?

От неожиданности Вера поперхнулась воздухом из соломинки и закашлялась.

— Случилось что? — продолжал тот. — О! Да вы с чемоданом! Что — прям с поезда?

— На поезд, — мрачно ответила Надя.

Подъехавшая сзади машина засигналила.

— Я сейчас! — крикнул незнакомец. — Одну минуту! — и проехал дальше, повернул на дорогу, припарковался на обочине.

Девушки смотрели, как он идет к ним с бумажным

пакетом в руках. Подойдя, внимательно посмотрел в их лица, обведя взглядом всех троих, задержавшись, пожалуй, на Любе.

— Меня Виктор зовут, — отодвинул пластиковый стул, сел. — Слушайте, я вижу — случилось что? Такие красивые девушки — сразу трое, и такие грустные.

Он говорил, распаковывая свой пакет, разрываю обертку шрим-ролла, отхлебывая кофе из стаканчика. Узнав, как их зовут, он хохотнул:

— Ну, вы прям, как эти... Как их...

— Как кто? — зло сощурилась Вера.

— Ну... Эти... Три сестры! — выпалил Виктор и продолжил, — вижу, проблемы у сестричек.

— Все нормально, Витя, — отозвалась Вера. — Все в порядке.

— А ты, я вижу, за старшую в этой кампании, — подмигнул ей Виктор. — Да что вы дикие такие! Я же вижу: только с поезда, в Москву приехали, а ночевать негде. Еще, небось, и обманули вас, кинули. Знаю я, как это бывает! — и он вдруг пристально посмотрел на Любу и улыбнулся широко. — Ничего, из всех ситуаций можно выход найти. Отчего не помочь таким красавицам!

— Нам уже помогли сегодня, — мрачно сказала Надя, вертя в руках стаканчик, а Люба при этих словах вдруг залилась слезами.

— Ты опять! — хлопнула Надя по столу. — Опять!

— Та-ак, все понятно, — Виктор встал, опершись руками на столик. — Вот послушайте, вы меня что — боитесь? Вас трое, в конце концов! Просто сбили с толку, это бывает. У меня есть такой вариант — знакомый держит мини-гостиницу, я вас туда отвезу — это совсем недалеко, минут десять ехать — в Текстильщиках, там не дорого —

с троих полторы тысячи, и очень прилично. Не хостел. Не двухъярусные кровати. Приличная гостиница. Вы в себя придете, успокоитесь, а завтра уже работу найдете. В Москве главное — работу найти. Сразу все наладится. И не плачь, — он вдруг подался вперед и вытер слезы у Любы со щеки, она так и замерла. — Все будет хорошо. Ну что — поехали?

И уже тянул из-под стола чемодан и сумку, и что-то еще говорил, и улыбался. От его голоса становилось легко. Они послушно вскочили и пошли за ним в машину.

Гостиница была на первом этаже обыкновенного жилого дома. Над крыльцом висела вывеска: «Минигостиница». После железной входной двери они попали в небольшой холл, где за стойкой стояла администратор — немолодая женщина, с необъятной грудью, очень коротко стриженная — просто с ежиком каштановых волос. Строго посмотрела на девчонок:

— Паспорта давайте!

Они отдали паспорта. В холл вышел мужчина с раскосыми азиатскими глазами, спросил, показывая на чемодан и сумку:

— Ваши? Больше нету?

— Нету, — усмехнулась Надя.

Из коридора выглянула другая женщина в пестром платье, шароварах. Черные волосы были заплетены в две косы, брови — сросшиеся на переносице. Она с любопытством разглядывала девушек, но мужчина крикнул ей по-узбекски и она поспешно скрылась.

— Экзотика, — усмехнулась Вера.

— Так, девочки, давайте в номер, вам же, наверное, сполоснуться с дороги надо, — суетился Виктор, подталкивая их дальше по коридору. — В номере душ, отдох-

нете, а потом — хотите, поедем, я вам Москву покажу? А? Да чего я спрашиваю! Поедем — поедем... Давайте, — и он распахнул дверь номера.

Там было довольно уютно — ковер, шторы, двуспальная кровать под парчовым покрывалом.

— Эй, кровать одна, а нас трое, — возмутилась Вера.

— Да решим все, что вы возмущаетесь! Решим! Диван из соседнего номера притащим, не волнуйтесь! Отдыхайте!

— Душ! — завопила Люба. — Чур, я первая!

Вера опустилась на край кровати, сжимая в руках телефон. В голове шумело. Ей казалось, что стены качаются. Все впечатления этого дня: Казанский вокзал, Марьино, беспощадное солнце, грохот автострад, толкотня метро, Серега в поезде, железная дверь с глазком, белые башни домов на улице Маршала Голованова, железная дверь с глазком, восемь тысяч, падающие в ящик стола, обед в «Макдональдсе», восемь тысяч, Серега, бесцветные глаза Виктора, восемь тысяч, восемь тысяч!!! Она заплакала.

— Вер, ты чего? — Надя села рядом и обняла ее за плечи.

— Господи, какой ужас! — выдавила Вера сквозь рыдания, — какой ужас!

— Ты про деньги? Не плачь! Сейчас Люба из душа выйдет, напугаешь ее, а если она разнюнится, то вообще будет ужас. Не пугай ее!

Но Вера плакала навзрыд, закрыв лицо руками.

Люба вышла из душа, вытирая полотенцем влажные волосы, улыбающаяся, увидела их — Надя тоже уже плакала, глядя Веру по голове, и вдруг засмеялась:

— Ну вы даете! Лоханулись, а теперь еще и рыдаете!

Вот дуры!

Вера икнула и оторвала руки от лица, уставившись на нее. Надя тоже вытерла слезы.

— Давайте лучше в душ. Кто следующий? И хватит! Посмотрим, что нам теперь Москва подкинула.

Через пару часов, высушив волосы, они красились, предвкушая поездку, Виктор уже заглянул к ним, разговаривая с кем-то по мобильному. Показал большой палец — мол шикарно выглядите, и закрыл дверь. Они, перешептываясь и хихикая, вышли в коридор, с дальнего конца опять выглянула любопытная узбечка, и быстро спряталась за дверь. Оттуда послышалось равномерное гудение пылесоса. От холла по коридору, не взглянув на них, прошла администратор, покачивая грудью. Надя окликнула ее:

— А-а... э-э... паспорта наши...

— Паспорта ваши на оформлении, девочки, — бросила та, не поворачивая головы.

Только сейчас они смогли рассмотреть на стенах большие черно-белые фото в рамках — там были девушки в прозрачных накидках, или в черном кожаном белье, принимавшие откровенные позы.

Пройдя через пустынный и темный холл, вышли на крыльцо.

Московский летний вечер остывал на теплом асфальте, траве газонов, вился в запахе флоксов, росших на клумбе, блистал закатным солнцем в окнах многоэтажек, шумел легким ветерком в пыльной листве тополей, и доносился далеким шумом машин с Волгоградского проспекта. Безоблачное небо раскинулось над Москвой. Жара и духота уходили вместе с солнцем, опускавшимся к горизонту. Люба улыбнулась:

— Эх, прям почувствовала только сейчас — я в Москве!

Виктор хохотнул:

— А до этого не в Москве была?

В машине удрушающе едко пахло от елочки, болтающейся на зеркальце. Или это был запах одеколona Виктора. Надя даже чихнула.

— А куда мы едем? — спросила с заднего сиденья Люба. — На Красную площадь?

— Куда? — Виктор смеялся. — Зачем вам Красная площадь? По телевизору не посмотрелась? Сейчас поедем куда надо! Все нормально будет, девчонки!

— Куда это нам надо? — насторожилась Надя, — мы же просто Москву хотим посмотреть.

— Вот и посмотрите! В лучшем виде! Какого черта ты плетешься, козел! Тапочком на педаль надавливай, надавливай, не стесняйся, — последние слова он выкрикивал уже в окно водителю синего «Фольксвагена», который ему только что пришлось обогнать, и который действительно очень медленно ехал.

— Я кушать хочу, — вдруг заныла Люба, — мы же только в «Макдональдсе» и ели за весь день — по бургеру.

— Сейчас, девчонки, я же сказал — все нормально будет!

Проехав по Волгоградскому проспекту, они уперлись в пробку на съезде с Третьего Транспортного кольца. Делать в пробке было особо нечего, и смотреть по сторонам было не на что — какие-то пустыри, промзоны, вдали виднелись огромные широкие трубы ТЭЦ, прямо перед ними — переплетение серых полотнищ развязки автострады, все это напоминало вид из окон вагона

утром, и глаз не радовало.

— Неужели вся Москва такая? — вздохнула Надя, — Я вот слушала всегда: Москва! Представляла себе такие здания, проспекты, площади! А сколько по ней крутимся сегодня, только новостройки, многоэтажки, какие-то, и то ли заводы, то ли фабрики, пробки, машины!

— Москва — она разная. Запомните, девочки, здесь есть все! Вообще все! Даже то, что вы представить себе не можете! Поэтому ее и называют городом больших возможностей. Потому что все, что нужно — здесь есть. Миллионеры, бандиты, министры, деньги, много денег, девчонки, да что там — здесь есть президент, вот только подумайте — в этом самом городе! Бриллианты, оружие, любое оружие, куча лохов, которых можно обмануть, менты, которые получают с этого свой процент, и смотрящие, наблюдающие — чтобы не слишком много эти аферисты себе забирали, и киллеры, которые слишком принципиальных смотрящих отстреливают. И все это — здесь! А вы говорите — пустыри, заводы! Эх!

— Нас уже обманули сегодня как лохов, — вздохнула Надя.

— Вы после этого в «Макдональдсе» кока-колой горе заливали? — рассмеялся Виктор, — И на сколько же вас обидели?

— На восемь тысяч.

— Хо, так это по-божески!

— Что значит по-божески! — вскинулась Люба. — Как может быть обман по-божески! У нас денег вообще после этого не осталось — только на билет домой.

— Бывает! Это же Москва! Она деньги любит. И осторожнее здесь надо. С охраной.

— Охрана — это для богатых. Мы вот приехали,

и сами решили пробиваться, — вздохнула Вера.

— Ты себя в бедные-то не спеши записывать. Красивая девка, молодая, всего здесь добьешься, если умных людей слушать будешь, — подмигнул ей Виктор.

Они уже проехали пробку и двигались дальше.

— В Москве надо быстро соображать. И решение принимать — на вокзале, а не когда в поезд сядешь. Сразу думать: чего ты хочешь? И как этого добиться.

Ближе к центру здания становились выше, и по сторонам проспекта пестрели вывески ресторанов, салонов красоты, студий, магазинов. Внезапно проспект раскинулся в площадь, перерезанную трамвайными путями, окруженную высокими зданиями из стекла и бетона, слева из-за них мелькнул золотыми куполами монастырь.

— Как здорово! — не удержавшись, воскликнула Надя.

— Я же вас в плохое место не везу. Смотрите! Москва — она такая!

Они проехали через площадь, с краю которой горела большая буква «М» — там был вход в метро, проехали дальше по улице, повернули направо, мимо пивного ресторана, горящего яркими огнями, затормозили. Девушки смотрели на высокие серые стены офисных зданий по сторонам узкой улочки. Виктор заглушил мотор, обернулся к ним.

— Ну что, девчонки! Мы приехали. Надо ваш приезд отметить, а здесь как раз получится — и время хорошо проведете, и познакомитесь с кем надо, и денег заработаете. Как вам перспектива? Я плохого не посоветую.

Девушки молчали, не понимая.

— Тогда пойдете, да? Все нормально будет — даже не сомневайтесь.

— Куда пойдём? — спросила Надя, — Что это значит?

— Девочки, вы сегодня много пережили, понервничали, деньги потеряли, — он вдруг положил левую руку на колено Любе, сидевшей на переднем сиденье, а правую — на колено Наде, сидевшей за ним, — Я хочу вам подарок сделать. Пойдемте, культурно время проведем. И, между прочим, вас ждут. Серьезные люди хотят с вами познакомиться, пообщаться. Все будет хорошо, Пойдемте!

— А это что? Мы туда идем, что ли? Или в пивной ресторан? Или все же туда?

Вера показывала пальцем в окно на узкую дверь в стене, над которой была неброская маленькая вывеска «Сауна».

— Девочки, вы на то, что написано, не смотрите. Там внутри — все нормально. Хорошо все будет. Нас ждут. А вам нужны и связи, и деньги, и хорошие знакомства, без этого в Москве — никак.

— Ты нас что — в сауну привез? — воскликнула Надя, — я в сауну не пойду! А то я не знаю — зачем там нас ждут!

— Мы что тут — развлекать кого-то должны? Ты в своем уме? — возмутилась Люба.

— Да вы что так все воспринимаете! Все же не так! Ну да, сауна. И что? Там залы, стол накрыт. Да в Москве в сауне самые главные вопросы решаются. Я повторюсь, — он сделал паузу, и со значением посмотрел им в лица, — Повторюсь: я плохого не посоветую.

— Нет! Ты с ума сошел! Нет! — воскликнула Вера.

— Не горячись. Ты пойми, речь идет о деньгах. О больших деньгах, — с нажимом произнес Виктор. — Вы же в Москву приехали деньги заработать? У вас есть

возможность. Вот — я вам ее даю. Будете жить под при­смотром тети Жанны — она и защитит, и подскажет что надо, и познакомит с кем надо, и все объяснит. Я вам помогу. Через месяц домой в гости к родителям на своих машинах поедете. Через год — квартиры в Москве купите. Я серьезно говорю! Вы только представьте! Подумайте! — для убедительности он постучал пальцем по темени. Звук получился гулкий и выразительный. — Подумайте!

Тут дверь в сауну распахнулась и оттуда выбежала девушка. Невысокая, худая, с копной черных волос, угольно-черными, слишком широкими для ее узкого лица бровями, длинными стрелками вокруг глаз, и вы­та­туированными алыми розами на шипастых стеблях, вившимися по рукам. Она подбежала к машине, и закричала на Виктора:

— Сколько можно! Они мне уже весь мозг вынесли! Вашу мать! Полдня вас ждем! Они допьются до белочки, пока девочек дождутся!

— Луиза! Ну, собирались! Девочки свежие, только с поезда, им надо было хоть душ принять.

— Да какой душ! — вопила девушка, — Что, здесь душа нет? Давайте, скорее!

— Бежим! — заорала Вера, распахивая дверь.

Следом вылетели из машины Люба с Надей, и они кинулись бежать по улице.

— К метро, — крикнула Вера, на ходу пытаясь вытащить из сумочки телефон, но пальцы натыкались на пачку салфеток, коробочку пудреницы, кошелек, на что угодно, только не на телефон.

— Куда! — завизжала Луиза за их спинами.

Виктор, молча, рванул следом.

Вера, наконец, нащупала телефон, выхватила, начала нажимать кнопки:

— Да где же он, черт, как я его записала!

Они увидели красную букву «М» входа в метро, железную крышу над ступенями, спускающимися вниз. Как всегда возле метро, там было многолюдно, народ спускался, поднимался, бабушки торговали флоксами, малиной, огурцами, разложив нехитрый товар на ящиках из-под фруктов. Эта картина успокаивала, даря иллюзию безопасности, на которую всегда надеешься в толпе, в людном и хорошо освещенном месте.

Они побежали по ступеням, Вера уже нашла телефон Сереги, набрала и слушала гудки в трубке, когда сзади услышала вскрик Любы. Обернувшись, она увидела, что Виктор догнал Любу, и крепко держит ее за локоть. Они с Надей остановились.

— Ты сейчас вернешься, и твои подружки тоже. И девочки пойдут и сделают то, что надо. И все у девочек будет.

Люба смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

— Сейчас идем, и девочки нормально работают, — прошипел Виктор снова.

Люба вдруг заплакала, как плачут маленькие дети — тонко и жалобно, на одной ноте:

— И-и-и...

Идущий мимо мужчина обернулся, услышав их, покачал головой, но наткнувшись на взгляд Виктора, не остановился, лишь покачал головой и громко произнес:

— Господи, бедные дети! Бедные дети!

— Алло! — откликнулся голос Сереги в трубке, — Кто это?

— Сергей! Сережа! Это я! Я — Вера!!!

— Верка? Да ладно! Здорово, что позвонила!

— Сережа! Нам помощь нужна! Нас поймали, в сауну привезли, мы убежали к метро, Любу поймали! Помоги нам!

— Стой! Тихо! Вы где сейчас? Какое метро?

— Да не знаю я!

— Где вы находитесь? Что вокруг?

— Площадь какая-то. Здания... Современные! — Вера заозиралась, — О! ВТБ — такое высокое здание стеклянное!

Она кинулась к прохожему:

— Какое это метро!?

Парень с наушниками в ушах шарахнулся от нее, и не оборачиваясь побежал по ступеням вниз.

— Какое это метро? — кинулась она к следующему.

— «Пролетарская», — крикнул он на бегу.

— «Пролетарская», — завопила Вера в трубку.

— А, так это вы на Крестьянской заставе! Держитесь! Мы с парнями сейчас приедем!

— Вера! Верочка! Он держит ее, — в отчаянии заныла Надя.

Вера направилась к Виктору с Любой. Но он заговорил первым. Тихо и жестко:

— Сейчас идем на место. Все будет нормально. Ничего там с вами плохого не будет. Ничего, что вы не делали до этого, делать не придется. Так вы еще и деньги получите. И знаете сколько? По пятьдесят тысяч каждой. Каждой! За один вечер. Считать умеете? Приехали в Москву с чемоданчиком! Уедете с бабками. Пойдем, — и крепко держа Любу под локоть, двинулся сквозь толпу, спешащую в метро, обратно по улице.

Вера стояла на месте. Весь ужас был в том, что все происходило среди людей, у всех на виду, и это не помогало, и не спасало, и не защищало нисколько. С таким же успехом они могли стоять среди пустыни, и быть такими же бессильными. «Может закричать?», — лихорадочно думала Вера: «Заорать: на помощь! Он испугается. Надо кричать. Надо!». Но вместо крика она со свистом втянула воздух через схваченное спазмом горло и двинулась следом за ними.

Виктор шагал широко, уверенно, Люба еле успевала. Она тоже не пыталась ни сопротивляться, ни звать на помощь. Надя тоже молча шла.

— За нами приедут! Я позвонила, — крикнула наконец Вера.

Виктор остановился, обернулся:

— Кто это за вами приедет? И зачем? Спасать? От кого? От чего? От денег? Да вам повезло, что вы в первый же день меня встретили! Я вам реальные вещи предлагаю. Знаете, сколько девок хотели бы со мной работать? Умоляют! Плачут! Не беру, потому что — не то. А вам удача сама в руки пришла! А вы глупостями занимаетесь! Пойдем! И не забывайте: паспорта ваши у нас.

И он снова двинулся вверх по улице.

На пешеходном переходе Люба задергалась, но как-то нерешительно. Виктор шикнул на нее, и она затихла.

Дверь в сауну была закрыта. Он позвонил. Открыла мрачная Луиза. Они пошли в коридор, причудливо выложенный стильной черной и зеркальной плиткой, оттуда — в комнату, где стояла стойка администратора. Тут у Веры зазвонил телефон. Она выхватила его, и пока Виктор, бросив Любу, бежал к ней, чтобы отобрать телефон, она завизжала в трубку:

— Сергей! Быстрее! Мы в сауне. На углу пивной ресторан, вывеска над дверью «Сау...», — но тут Виктор выхватил телефон и нажал тобой.

На крики из дверей вышел красномордый дядька, обмотанный по бедрам полотенцем, и недовольно сказал:

— Это что еще такое? Это что — девочки? А что за крики, как будто их насиловать собрались? Мне крики не нужны.

Луиза широко улыбнулась:

— Ну что вы — что вы! Все нормально. Просто девочки повздорили чуток между собой!

Мужчина был изрядно пьян, говорил громко, и был явно недоволен.

— Вот, смотрите, девочки хорошие, чистые, — вступил в разговор Виктор, и, обернувшись к ним, продолжал, — девочки, не ссорьтесь, работа будет у всех. Лучше улыбнитесь гостю.

Вера, Надя и Люба молча стояли, хмуро глядя на клиента.

— Э-э-э, знаете, а вы пока пойдите в парную, расслабьтесь, сейчас все будет, подождите пять минуточек, — ворковала Луиза, подталкивая его обратно.

Тот повернулся, и затопал обратно.

Виктор посмотрел на них:

— Ну что? Я предлагаю взять себя в руки, и включить голову. Паспорта у нас. Идти вам некуда. Денег нет. Вы сейчас даже билеты на поезд купить не можете. Вы что — сериалов насмотрелись? Что я плохого вам сделал, чтобы такое устраивать? Бежать, звонить кому-то? Я вас бил? Вот ты, — он обратился к Любе, — скажи — я вас бил?

— Нет, — выдавила Люба.

— А что я сделал? Дал вам крышу над головой. Возможность заработать. И не как кассирша в «Ашане» зарабатывает!

— «Ашан» — это еще круто, — поддакнула Луиза, — скорее в «Пятерочке». Девочки, вы в «Пятерочку» не хотите?

— Давайте — раздеваемся, вон простыни, идите — махните водочки для храбрости, и все. Господи, вам за это еще и деньги заплатят!

Тут Луиза, видя состояние девчонок, вступила в разговор:

— Вить, ты вышел бы, я тут с девочками поговорю по-женски, это лучше. Они же свеженькие еще совсем, сам понимаешь.

Виктор махнул рукой и пошел за дверь, на которой было написано: «служебный вход».

Луиза посмотрела на них густо подведенными глазами, мягко сказала:

— Девчонки, вот я вам сейчас просто расклад дам, вы сами решите. Вот мы сейчас в центре Москвы. Тут сауна, куда ходят очень солидные люди. Вот сейчас у нас парятся — так это генералы приехали. Просто выпили немного. Нормальные мужики. Совершенно! Не извращенцы какие, не фетишисты, вообще нормальные. Еще и подпили. Да у них толком и не стоит... они утром и помнить мало что будут. Что вам-то? Поедите. Вы только гляньте, какую поляну они накрыли! А утром они вам денег отвалят... у них на карточках — сотни тысяч. Я тут им в банкомат уже три раза бегала — они то массажисток звали, то продукты докупали. Я здесь не первый год работаю. Виктор будет вам работу подкидывать. Вы ему будете отдавать восемь тысяч за вызов. Восемь! Все! Все,

что сверху — это считаются ваши чаевые. Усекли? Чаевые. Это — ваши деньги. Вчера две девки приезжали. Ну да, они давно работают. Профессионалки. Они клиентам прям шоу устраивают. Страпоны у них — со светодиодами, ну короче, вы тоже потом научитесь. Они им такого напказывали, что мужик потом у меня на плече плакал... Там им двести штук отвалили — на двоих. А сегодня у нас — трое. Все взрослые дядьки. При больших деньгах. По полтиннику каждой точно дадут. Ну, вы им уж поулыбайтесь. Не спорьте. Все будет хорошо! Реально квартиры себе купите. Ну, ладушки?

Девчонки мялись нерешительно. Тут Люба тихо сказала:

— Я есть хочу...

Луиза улыбнулась, и продолжила:

— Если вас волнует, что скажет мама... Знаете, что в Москве произошло — в Москве и останется. Никогда никто из ваших родных не узнает о том, как вы деньги зарабатываете. Если сами не расскажете. Ну, на это у вас ума хватит — вы е не глупые девушки, я же вижу. Думаете, моя семья знает — чем я в Москве занимаюсь? Где работаю? Конечно нет. Думают — я в офисе работаю. Ну же!

Тут раздались удары такие, что, казалось, и стены начали дрожать.

— Что это? — вскинулась Луиза.

— Это, видимо, за нами приехали, — усмехнулась Вера, — спасибо, но мы, пожалуй, в «Пятерочку» пойдём работать.

В дверь колотили ногами. Из подсобки выскочил Виктор. Люба первая сорвалась с места и побежала к двери — открывать. Через секунду в холл сауны вва-

лились трое ребят во главе с Сергеем. Лица у них были жуткие. Такие, наверное, бывали у солдат, бегущих на приступ огневой точки. Виктор попятился.

— Так, — закричал Сергей, — Девчонки едут с нами.

— Что это такое! — Завизжала Луиза, — Вы кто такие? Сюда нельзя!

— Заткнись, — коротко бросил ей светловолосый парень в грязной футболке, и она замолчала.

Подружки переместились за спины парней, со злостью глядя на Виктора.

— Паспорта их быстро! — приказал Сергей.

Из сауны снова вышел мужчина, обмотанный по бедрам махровым полотенцем.

— Да что тут у вас? Война? Я пришел в приличное место, спокойно отдохнуть, что вы тут себе позволяете!

— Приличное место! — фыркнула Вера, — Что вы называете «приличным местом»? Сауну с проститутками? Совсем уже чокнулись? Реально думаете — можно всекупить за деньги? А вот не все!

— Так, — очнулся Виктор, увидев как начало наливать кровью лицо клиента, — Быстро на выход!

— Паспорта! — проревел Сергей, набычиваясь.

— Серж, — тронула его за рукав Вера, — паспорта наши не здесь, они в гостинице остались.

— Точно?

— Быстро вышли, — крикнул Виктор, — валите в гостиницу зав паспортами.

— Адрес вашего блядюшника давай! — Кричал светловолосый парень. Третий — темный, смуглый, с щетиной на узком лице, молчал.

— Я дорогу помню, покажу, поехали, — потянула их Надя, и все шестеро вышли на улицу.

— Дурры вы! Идиотки! — крикнула вслед Луиза, Люба, обернувшись, показала ей средний палец, и гордо вскинув голову, захлопнула дверь.

У тротуара стояла машина — «Жигули» — «четверка» старая, потертая, удивительного грязно-бордового цвета, называемого в народе «баклажан», с металлическим багажником на крыше. Вера сразу поняла, что это — их машина, и не ошиблась. Внутри воняло потом, бензином, и еще чем-то непередаваемым. Гамму запахов довершала елочка на зеркальце, которая не маскировала запахи, а, казалось, их усиливала. Они втиснулись в салон. Сергей сел за руль. Светловолосый парень — рядом с ним на переднее сиденье. Смуглый небритый — втиснулся с девочками на заднем. Сергей обернулся, посмотрел на них:

— Куда ехать?

— В Текстильщики, — ответила Вера.

— Так это рядом — рукой подать. Давай, мы едем, а ты по дороге расскажешь — что с вами случилось, хорошо?

Вера кивнула.

— Да, ребята, вот — дружбаны мои, знакомьтесь: это Вася, — указал он на светловолосого, — а это Руслан, — кивнул на смуглого.

После продолжительного тарабания в дверь кулаками и ногами, Жанна открыла, встав в дверях как скала. Но ее неприступный вид и огромная грудь ничуть не смутили ребят.

— Тут у вас чемоданчик и паспорта девушек остались, — сказал ей Сергей, поддерживаемый красноречивым молчанием Васи и Руслана, стоявших за спиной, — Так мы за ними.

Жанна смерила их медленным, оценивающим взглядом, и молча ушла в глубины своей гостиницы. Через несколько минут из коридора выплыл давешний азиат, носивший девушкам вещи в номер, в руке он держал их паспорта. За ним вышла черноволосая женщина в пестром платье и шароварах, она несла в одной руке их чемодан с железными уголками, а в другой руке — сумку.

— Ну как вы могли, вы же взрослые, сознательные, вас трое! Три головы! И эти три головы не сообразили, что деньги нельзя отдавать, и документы не читая нельзя подписывать! — кричал Сергей, поминутно оборачиваясь на девушек, сидевших на заднем сиденье. Машина при этом начинала капризно вилять на своей полосе автострады, и соседи по транспортному потоку тут же сигналили. Они катили по Люблинской улице. Чемодан и дорожная сумка были закреплены на крыше машины — на металлическом багажнике.

— Что ты на нас кричишь, — возмущалась в ответ Надя, — у нас в городе таких вещей сроду нет, мы и не знали, что такое может быть. А здесь — даже в милицию не пойдешь!

— В полицию, — хмуро поправил ее Руслан.

— Да какая разница! Не надо нас-то во всем обвинять. В этой Москве черте-что творится, а мы виноваты, что договор не внимательно читали! Если бы мы самые глупые были, так такие конторы вообще бы не существовали, а раз они есть, значит и тех, кто им деньги платит — много, и это не самые глупые из тех, кто в столицу приезжает! Может просто — самые одинокие.

При этих словах Люба залилась слезами. Всхлипывая, вздрагивая от рыданий, она выплакивала стрессы этого дня. Вера притянула ее к себе, положила голову на плечо,

и гладила по волосам, тихо что-то шепча на ухо.

— Вот это ты правильно сказала! — согласился с ней Сергей, — В Москве без поддержки — смерть! Никто здесь один не выдерживает. Вот утром я об этом в поезде и говорил, а Вера еще мой телефон брать не хотела!

Вера молча посмотрела ему в глаза, отраженные в узком зеркальце, и ничего не сказала.

— Ладно, — смутился он. — Надо подумать, куда вас поселить на первое время. Мы — в общежитии живем здесь недалеко — на Судакова, но оно ведомственное, и мужское. Баб там не поселят ни за что. Да и зачем вам это — это ж покоя не будет ни одной секунды ни днем, ни ночью. Женихи одолеют, правда, Руслан? — он хохотнул, взглянув на Руслана. Тот мрачно глянул в ответ и отвернулся в окно. — То-то, Руслан знает — что такое женщина в мужском общежитии, даже если эта женщина — комендант.

Вася расхохотался, оборачиваясь к Руслану, но тот упрямо смотрел в окно, не показывая, что понял их намеки.

— Есть один вариант — хостел я один знаю, у них всегда есть места. Там безопасно абсолютно. На первый момент — пойдет, там, конечно, и кровати двухэтажные, и в комнатах по восемь-десять человек живут, но никто не жалуется. Тем более денег-то у вас сейчас совсем нету. Так что месяца три-четыре в хостеле поживете, а там подкопите, и снимете себе комнатку где-нибудь в коммуналке. Тут — в Люблино — полно коммуналок, и все почти сдаются. Ну а работать — самое для вас оптимальное — на кассу в супермаркет. И не в Ашан, конечно же, там такие очереди — целый день чужие сумки мимо кассы перекидывай: «пик, пик, пик!», — а в другое место,

в любом магазинчике столько же платят, а нагрузка меньше — сиди себе, семечки щелкай, и получай столько же, сколько в Ашане.

— А сколько? — спросила Люба. Голос ее был осипший от рыданий.

— Ну... тысяч двадцать, двадцать пять будут платить, — ответил Серей.

— Сколько? — Люба даже икнула от изумления, — Так мало?

— Что значит мало! В вашем городишке сколько кассиры в магазинах получают? Пятерку? Семь тысяч? До десятки дотягивают? Да не дотягивают! А ей тут — двадцать пять мало! Вот Вера диспетчером дома работала — так она и тут может диспетчером пойти к нам в автохозяйство — там вот уже до сорока доходит — но это одно такое место, и без опыта не возьмут, да и с улицы никого там не возьмут — слышь, Верка, я попрошу за тебя, и в шоколаде будешь!

— Куда мы едем сейчас? — подала голос Надя.

— Надюха, не переживай! Едем отдыхать. Слишком напряженный день получился. И нам, и вам нужен отдых. Такой — классный, культурный. Так что едем мы ужинать — в кафе, здесь — на Люблинке.

— ... А там обещали пятьдесят тысяч за ночь... — опять вставила своё Люба.

Сергей со злостью хлопнул по рулю.

— Пятьдесят за ночь? И ты им поверила? Да кто такие деньги за обычную е... лю получает! Вот хочешь — сейчас узнаете, сколько проститутки в Москве на самом деле зарабатывают.

Они перестроились в крайний правый ряд, и притормозили. На обочине стояли две девушки. Одна была пух-

ленькая, с очень большой грудью, расправившей черную трикотажную блузку, вторая — невзрачная, в джинсах и рубашке. Как только машина затормозила, та, что поплнее, подошла к ним, изогнулась с ленивой грацией, заглянула в салон, облокотившись круглыми локотками на дверцу, и без улыбки сказала:

— Добрый вечер!

— Работаете? — спросил Сергей.

— Работаем, — коротко ответила та. — Вам по одной или двоих сразу?

Вася так и впился глазами в ее декольте, колышущееся в нескольких сантиметрах от его носа.

— Сколько? — продолжал Сергей.

— Цены обычные, — протянула девушка, оборачиваясь и бросая взгляд на свою напарницу. За один раз с ней — тысяча, со мной — полторы. Миньет — пятьсот.

— Сколько! — закричала Люба с заднего сиденья.

Девушка всунулась в машину, к удовольствию Васи, который так и зарылся носом в ее груди. Увидев девушек, она возмутилась:

— Оргия дороже стоит! Девушек тоже обслуживать? Вас тут шесть человек! Десятка — не меньше!

Сергей захохотал, обернувшись к Любе:

— Слышала? Миньет — пятьсот. Это чтобы пятерку заработать, надо десяток миньетов делать. Десять! С заглотом! Блевать устанешь. А чтобы пятьдесят косых...

— Ну хватит! — крикнула Вера. — Противно слушать.

— Так вы что — просто приценивались? Или экскурсию своим подругам проводите? — в голосе девушки послышалась усталая злость.

— Извини, не обижайся, — примирительно сказал ей Сергей, — просто приценивались. Понравились вы

нам, будем иметь в виду на будущее, — и, уже трогаясь с места, крикнул, оборачиваясь, — и стойте не дорого!

Девушки остались на обочине, провожая машину злыми взглядами.

Душный летний вечер опустился на Москву. В сумерках плыли рекой красные стоп-сигналы машин по правой стороне шоссе, и белые фары — на встречной полосе. На обочине стояли девушки — через каждые десять-двадцать метров. Одеты они были вполне буднично — в джинсы и футболки, иногда кто-то был в мини-юбке, но не броско, и если не знать — что это проститутки, можно было бы вообще не обратить на этих постовых свободной любви вдоль шоссе никакого внимания.

— Видите, сколько здесь девочек стоит? И все они — на героине. Каждая стоит тысячу. Иногда — полторы, но редко. И что вам там рассказывали про пятьдесят за ночь? Обманывали вас. Они любят сказки рассказывать, — наставительно говорил Сергей.

Девчонки сидели на заднем сиденье, сжавшись.

Тем временем они подъехали к кафе «У дяди Ваню» — приземистому домику, обшитому желтым кронашпаном, откуда доносились звуки лезгинки.

Машину оставили на стоянке возле кафе.

Внутри было накурено, и добрая половина из десяти столиков занята. В центре кафе танцевали небритые мужики кавказской внешности, и с ними — пара немолодых блондинок. Женщины неумело двигались, пытаясь соединить движения из дискотеки 80-х, и танцев, которые обычно танцуют на армянских свадьбах. За столиками сидели: группа таджиков-шоферов, компания дагестанцев с девушками, две армянские семьи, видимо,

празднующие чье-то день рождение.

— Как-то я по-другому представляла себе московские кафе, — наморщила нос Люба.

— Если честно, я — тоже, — вздохнула Вера.

— Ну-ну, девчонки, здесь очень здорово, и шашлык отличный, — подтолкнул их Сергей, и они сели за свободный столик.

Заказали водку, шашлык, тарелку солений, баклажаны с сыром. Неулыбчивая, усталая девушка накрыла на стол.

— Она-то тоже не москвичка, — толкнула Веру локтем в бок Надя. — Интересно, она сколько за свою работу получает?

— Чаевые у нее больше зарплаты, — ответила Вера, — так обычно на этих должностях и бывает.

— Так, девчонки, выпьем за ваш приезд, за первый день в Москве, за наше знакомство! — провозгласил Сергей, разливая водку по рюмочкам.

Водка разливалась в шесть рюмок, и Люба обеспокоенно просила:

— А кто машину потом будет вести?

— Машину, — хохотнул Сергей, — да мы же — шоферы профессиональные, я могу в любом состоянии машину вести! А насчет ментов не беспокойтесь — нам вся округа знает, здесь до нашего общежития — сто метров.

Выпили. Водочное тепло разошлось из желудков, и Вера почувствовала, что она голодна, как, наверное, не была голодна никогда в жизни.

Люба потянулась к тарелке с красной, соленой грузински капустой, головками маринованного чеснока, огурчиками и помидорами.

— Так, промежутки между первой и второй, как гово-

рится, — пробормотал Сергей, жуя кусок капусты, и ловко разливая водку по рюмкам. — Теперь — за ваше спасение! Чтобы вы без нас делали!

Выпили по второй. Водка обхватила теплыми пальцами затылок, и музыка показалась громче, чем была, и танцующие стали двигаться как-то более плавно.

— Может, потанцуем, — Сергей покраснелся после двух рюмок, и пожирал глазами Веру.

— Как под это можно танцевать! — капризно поморщилась Люба. — Даже у нас в городе ни в одной забегаловке такое не крутят.

— Сейчас лезгинка кончится, и нормальная музыка будет, — заверил ее Вася.

Руслан хранил молчание.

Лезгинка действительно кончилась, странная компания расселась за свой столик, и бармен, исполнявший в этой забегаловке роль еще и диджея, поставил следующую песню. Это оказалась «Марджанжа» Шуфутинского.

— Вот! Подходящая! — завопил Сергей, протягивая руку через столик Вере.

— Девчонки, танцуем, — поддержал его Вася, быстро запихивая в рот кусок шашлыка, и отодвигая стул Любы.

Руслан кивнул Наде. И ничего не оставалось, как выйти танцевать.

От всех приключений этого дня, тревог, волнений, слез, опасностей, выпитой водки, голода, кафе завертелось перед глазами у девчонок. Плыли стены, обшитые старой вагонкой, деревянные столики, стулья, хохочущие рожи, барная стойка с рядами пыльных бутылок, усталые, злые официантки, и толстый потный дядька в дверном проеме, ведущем на кухню — сам дядя Ваню.

Потом уже само собой танцевалось и под лезгинку,

и под «Джан балес», которую заказала армянская компания, а хит «Восток ФМ» «Я так хочу тебя обнять», был встречен даже с восторгом. Сергей обнимал всю Веру, что-то нашептывая на ухо, Руслан бросал пламенные взгляды карих глаз на Надю. Только Люба упорно отворачивалась от Васи, так что шансов у него не было.

Вера не помнит, как оказалась в туалете. Стены качались. Было жарко, душно. У Сергея были потные руки, он дышал водочным духом в лицо, что-то шептал, но она не понимала — что. Ловко стянув с несопротивляющейся Веры трусики, он посадил ее на фарфоровую раковину, раздвинул ноги, запустил трясущиеся пальцы в промежность и застонал. Перебирая влажные складки ее тела, он упорно зашептал ей на ухо, она опять не поняла, но когда он настойчиво потянул ее руку, которой она держалась за раковину, она попыталась сосредоточиться на его голосе.

— Расстегни мне, — горячо шептал он, — расстегни сама, ну же!

Она попробовала нащупать его ширинку, но никак не могла справиться с пуговицей на джинсах. Сергей обиженно засопел, и расстегнул джинсы сам. Острый запах плоти перебил даже обычные туалетные запахи, так что тошнота подкатила к горлу, но всего лишь на мгновение. Вера вдруг устало подумала: «Да будь что будет!», — и подалась вперед, навстречу ему. Он попал в нее с третьего раза, и задвигался с мощью и темпом хорошего механизма. Вера билась спиной в зеркало, глядя в одну точку стенки напротив — там в дощечке вагонки был сучок. И она словно держалась за этот темный древесный глаз так, будто если оторвется от него, то неизменно упадет на грязный пол. Ей реально казалось,

что ее трахает Терминатор.

Когда они вернулись в зал, то никого из их компании не увидели, только с улицы донесся протяжный вопль. И горло, из которого мог вырваться такой звук, могло принадлежать только Любе.

Олеся заворочалась на кровати. Машинально потянула руку — Ахмета в постели не было. Где щлялся блудный муж, оставалось только догадываться. Она прислушалась к спокойному дыханию Аубакира. Ребенок посапывал на своей кровати, блаженно улыбаясь во сне. Ночью лицо его было спокойно, и даже как-то осмысленно, по спящему Аубакиру никогда не догадаться о всех его диагнозах, в которых и психиатры путались — то ли аутизм, то ли умственная отсталость, то ли черт что еще. Но где же Ахмет? Еще таксует до сих пор? Или с кем уже развлекается на заднем сиденье?

Олеся глубоко вздохнула, откинула одеяло, нащупала ногами тапки. С улицы снова донесся протяжный вопль, и она поняла — что ее разбудило.

— Вот нейметя, хосспади! — пробормотала она, и вышла в темный коридор.

На кухне нащупала выключатель. Шестидесятиваттная лампочка озарила синие панели коммунальной кухни, зеленые заросли так и не высаженной помидорной рассады, которая теперь заслонила собой все окно, делая днем кухню похожей на аквариум. На подоконнике возле пластикового ящика с рассадой лежала пачка сигарет. Олеся вытащила сигарету, прикурила от фитиля колонки. И с кряхтением села на стул.

Через пару минут дверь соседней комнаты отворилась, и Света, кутаясь в затертый велюровый халат, щурясь на тусклую лампочку, вышла на кухню.

— Не спишь? — спросила Олеся.

— Да опять драка в этом шалмане, разбудили, — Света тоже подкурила сигарету от колонки.

— Когда уже его снова сожгут! Прямо дожидаться не могу.

— А его что — жгли?

— Ой, Свет, ты вот не жила здесь в девяностые! А я — коренная москвичка, такого насмотрелась! А эту забегаловку — «У дяди Ваню» — уже раза три сжигали до головешек. Опять, зараза, отстраивается.

— Кто сжигал-то? — удивилась Света

— Как — кто? Да соседи. Не дают спать, они под утро бензинчику плеснут, спичку кинут — и все.

— Я их понимаю... Вот мне завтра на работу — вставать рано, а они так вопят, а до этого музыка играла — через дорогу, а все слышно! Сама бы их спалила!

Света работала маникюршей в эконом-парикмахерской, и с большим трудом собирала деньги на съём этой комнаты в коммуналке, где она жила вместе с дочкой — студенткой. У Олеси же еще мама и бабушка жили в этой коммуналке. Она не работала — получала пенсию за ребенка-инвалида, да муж калымил по ночам таксистом, хотя от него толку было — чуть. Еще третья комната в коммуналке тоже принадлежала Олесе, и она ее сдавала маме с дочкой. И сейчас дверь в той комнате скрипнула, и тетя Люба вышла на кухню, что-то бормоча себе под нос.

— Теть Люб, что случилось? — спросила Олеся, — Вас мы разбудили или эти вопли с улицы?

— Да кричат... Опять там драка, что ни день — то драка, — бормотала полусонная тетя Люба, наливая себе воды из-под крана в стакан.

Света докурила, затушила бычок в пепельнице:

— Я — спать. Мне завтра вставать рано. Надеюсь, скоро там все утихнет.

Она зашла в комнату, подошла к окну, отодвинула занавеску. Крики доносились с улицы. Там двое ребят сцепились, колотя друг друга кулаками. Еще двое с одной стороны и один с другой пытались их разнять. Две девушки бегали вокруг, одна из них истошно вопила. Из кафе выскочили еще парень с девушкой, подбежали к дерущимся. Наконец двое с одной стороны и двое с другой — растащили подравшихся парней. Их держали за локти, они брыкались, пытаясь достать ногами один другого, хрипло крича маты и угрозы. Света покачала головой, и легла спать дальше

Вера с Сергеем выбежали из кафе, увидели картину драки. Сергей разу кинулся, схватил Ваню сзади за локти, Руслан смог тоже ухватить его, того парня тоже схватили друзья. Люба перестала вопить, а Надя — причитать. Драчуны дергали ногами, стараясь лягнуть друг друга, упирались, но их все же растаскивали в стороны.

— Черножопые, понаехали тут, ни работы из-за вас нету, еще и наши девчонки вам нужны, — орал Вася, брызгая слюной.

— Ты кого черножопым назвал, пидор! — орал другой, по виду азербайджанец.

— Заткнись, — наподдал ему под ребра Сергей, — придурок, заткнись!

— Я вообще-то тоже не русский, — зло бросил Руслан.

Двое парней, державшие своего разбушевавшегося друга, что-то горячо говорили ему по-азербайджански.

— Ментов сейчас вызовут, тебя же с работы уволят, —

пытался остудить Васю Сергей, и это подействовало. Тот перестал брыкаться, и сразу как-то обмяк.

Сергей с Русланом потащили его в кафе, девчонки пошли за ними.

Уже за столиком выяснили — пока Сергей с Верой были в туалете, Надю начали приглашать парни из-за другого столика, потом официантка принесла бутылку шампанского в подарок, ну тут и началось — и шампанское полетело в голову приславшим, и стулья полетели в стороны, и драка началась, и выплеснулась на улицу.

Налили и выпили — за победу, за мирное продолжение вечера. Руслан, танцевавший до этого с Надей, теперь потянул на танец Любу. Вера сидела, обхватив лоб руками, она смертельно устала, ей хотелось спать, ей хотелось домой, но дом был далеко, а спать им было в этом городе пока негде.

Когда она опять огляделась, Руслана с Любой уже не было в зале.

— А где..? — обернулась она к Сергею, но он подмигнул ей, и она не стала дальше спрашивать.

Гости уже покидали кафе, столики один за другим пустели. Официантка посматривала на них зло, но они все сидели и сидели, а ребята все пили и пили.

Рассвет занимался над Москвой, окрашивая кварталы белых многоэтажек в розовый, нежнейший московский рассвет, который никто обычно не видит, кроме работающих в утреннюю смену водителей автобусов.

Хозяин кафе подошел к их столику:

— Ребята, мы закрываемся, вам пора, да и хватит уже.

— Э, а пиво есть на дорожку? — махнул рукой пьяный Вася.

— Какое тебе пиво, — прошипела Надя, — вы набра-

лись уже — на ногах не стоите.

— Кто не стоит? Стоим! — Вася, покачиваясь, поднялся со стула, зацепил стол, на пол со звоном полетела тарелка.

— Все-все, а то сейчас мы всю посуду им оплатим, — потянул его вниз Сергей.

Ребята долго искали деньги по карманам, вынимая мятые, пропитанные потом купюры, пока горка денег на столе не удовлетворила дядю Ваню, после чего все вместе вышли на улицу.

— Как мы доберемся теперь? И куда? — спросила Вера.

— Не бойсь, сейчас отвезем, — успокаивал ее Сергей

— Да ты пьяный, ты что — за руль так сядешь?

— Не бойсь! И не такой водил, да здесь ехать — сто метров!

Пришлось всем садиться в машину, Сергей снял с ручника, машина дернулась, Люба завопила от ужаса.

— Любка, не кричи, ты классная баба, все будет путем, — бормотал Сергей, выворачивая руль, и машина тронулась, вырулила на проезжую часть, виляя проехала через перекресток, и покатила по узенькой улочке, обсаженной огромными тополями.

— Пива хочу, — прохрипел Вася, откидываясь на сиденье.

— Да, пива сейчас — в самый раз. Как раз в общаге магазин есть, уже открылся. Сейчас там пивом поправимся, и все решим! Девки, не бойсь! Все решим!

Они подъехали к шестиэтажному «сталинскому» дому, кое-как припарковались, и ребята вывалились из машины. В буквальном смысле. За несколько минут поездки их развезло уже окончательно. Так, что и на ногах с трудом

уже держались. Магазин находился на первом этаже. Ко входу вели четыре ступеньки. Руслан, Сергей и Вася, подерживая друг друга, направились туда. Вася сразу упал. Они начали его поднимать, и засмеялись. Так, хохоча, они и преодолевали последние метры на дороге к вожделенному пиву.

Девушки вышли из машины, вздохнули свежего утреннего воздуха. Мимо них уже пошли люди — они не знали, что за поворотом находится станция метро, и людей, бегущих на работу, и с удивлением смотрящих на эту картину, сейчас будет все больше и больше.

— Я устала, — вздохнула Люба.

Потоптавшись на газоне, наблюдая за передвижениями ребят, они вернулись в салон. Надя села на заднее сиденье, Вера — впереди, Люба примостилась с ней рядом на переднем сиденье, свесив ноги в открытую дверцу, положив голову Вере на плечо, и закурила.

— Я вот тут думаю... — подала голос Надя, — Те девушки, что на трассе стоят — это же наверняка самые дешевые. Поэтому они по тысяче и стоят. А в сауне-то для солидных мужиков — там и цены другие. Так что Валера нам, может и не врал...

Ей никто не ответил.

Вера смотрела вперед.

Света бежала на работу к метро. Она услышала издали дикий хохот, и увидела трех пьяных до невменяемости парней.

— Общага эта, блин, каждый день здесь приключения у них... — пробормотала она.

Вася упал и уже не поднимался, но пива хотелось очень, и он пытался заползти на четыре заветных ступени в магазин. Сергей и Руслан, покачиваясь, но на ногах

еще держась, хохотали как безумные, глядя на него.

Света взяла правее, чтобы обойти от греха подальше эту компанию, и тут увидела картину, поразившую ее.

У бордюра была припаркована старая машина цвета баклажан. На крыше, на железном багажнике, стояла дорожная сумка и древний чемодан с металлическими уголками. В машине сидели три девушки. Одна — скрестив руки на груди, сидела на заднем сиденье, глядя невидящими глазами прямо перед собой. Лицо ее застыло как маска, ничего не выражая. Две других сидели впереди. Одна — самая молоденькая — свесила ноги на дорогу, положив голову на плечо подруги, рука, с тлеющей сигаретой между пальцами, бессильно лежала на коленях. Ее подруга, обнимая ее рукой за плечи, смотрела вперед, и Свете поразила какая-то отчаянная решимость во взгляде. Только в состоянии крайнего отчаяния появляется такая решимость — то ли обидчика убить, то ли прямо сейчас встать на трассе и начать работать проституткой, то ли уехать домой из Москвы.

Свете хорошо знакомо было это чувство. За время, проведенное в Москве, она испытывала эту отчаянную решимость не меньше десяти раз. И она знала, что все обойдется, и наладится, но ей захотелось подойти и поддержать этих девушек, находящихся сейчас в таком отчаянии.

Она, конечно, не подошла. Она спешила на работу. Еще раз оглянувшись на допотопный чемодан, Света покачала головой, и подумала, что дорого бы дала, чтобы узнать их историю — та обещала быть интересной.

Утро накатывало на Москву. Люди бежали на работу, машины ехали, вливаясь в пробки на автострадах, пьяницы тянулись к магазинам за вожделенным пивом, про-

ститутки спокойно спали после рабочей смены в своих кроватях. Вера, Надя и Люба сидели в машине, не зная, что будущее уже накатило на них, уже происходит с ними, и готовит им новые сюрпризы. Но они пока этого не знали.

*21 сентября 2015 г —
10 октября 2016 г.*